

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ

Анна КАЧКАЕВА

Лидеры России на телевизионном экране: феномен Путина и «ког» Медведева

Начало. 31 декабря 1999 г. Полдень. Страна готовится встретить новый 2000 г. Слова Ельцина «Я ухожу» стали финалом яркого телевизионного зрелища под названием «Россия 90-х». В то же время добровольная отставка Ельцина, вызвавшая прилив жалости к уходящему вождю, на глазах у миллионов смахнувшего скупую слезу и попросившего прощения, — блистательная кульминация другого спектакля, задуманного летом 1999 г. после прихода в правительство премьера Путина. Точнее пролога, с которого начался новый спектакль.

Поздний вечер 27 марта 2000-го. Путин в спортивной куртке стремительно проходит по коридору «Александр-хауса». Уже нет сомнений, что Путин избран вторым президентом России, хотя вокруг еще бушует прямой эфир, ньюсмейкеры нервно выясняют отношения с телеведущими. Однако на всем этом нелепым через 10 лет плюрализме уже лежит отсвет путинского взгляда исподлобья и первого типичного лозунга — «Будем мочить в сортире». «Общих реверансов не будет», — сказал тогда новый президент России. И в ночь своей победы полетел в воюющую Чечню.

Ночь 14 марта 2004 г. Три канала демонстрировали до трех ночи общение победителя с внимающей ему прессой. После прямой трансляции, по установившемуся уже ритуалу, встречу повторили в новостях, с утра разобрали на цитаты, а в репортажах назвали ночную пресс-конференцию дважды президента впечатляющей. Слова в превосходной степени — «оглушительная», «закономерная» — утверждали победу Путина в новостях на главных

каналах, в эфире которых корреспонденты в прямых включениях из Центризбиркома почти ликовали. В ночной победной эйфории Путин заледенел лишь однажды — ему явно не понравился вопрос журналиста ВВС о предвыборной кампании. Напомнив британцу русскую поговорку про «соломинку в чужом глазу», Владимир Путин, по сути, предпочел не отвечать.

Ночь 2 марта 2008-го. Они шли по брусчатке Красной площади с непокрытыми головами, под снегом и лучами софитов. Визуальная метафора — они энергично идут к цели и «навстречу будущему», а на самом деле — к эстраде. На сцене гремит концерт «Россия, вперед!» (кстати, это же название и у будущей программной статьи Дмитрия Медведева), и два главных человека страны — Путин и Медведев — под музыку популярной группы «Любэ» поднимаются к микрофонам. Минуты торжества нового властного тандема фиксируются на экране в эстетике клипа.

Между первой и четвертой картинкой — больше 10 лет. Даже из беглого описания этих знаковых кадров видно, как нащупывался образ «лидера нации» в 1999–2000 гг., как визуально и лексически фиксировалась формула «вертикали власти», «стабильности» и «суверенной демократии» в 2004–2005 гг.; как формировалась комбинация «двух звезд», сохраняющих преемственность «учителя и ученика» во властном тандеме 2008–2009 гг. В начале путинского правления один из главных кремлевских политтехнологов Глеб Павловский (глава Фонда эффективной политики) сформулировал главное отличие новой власти от старой, ельцинской. Она — новая власть — «очень четко понима-

ет разницу между реальностью и картинкой»¹. Именно в этот период российский политический класс окончательно вступил в «оформленное политико-журналистское поле»² в противовес реальной политике, когда можно говорить о переходе «демократии масс к демократии публик»³.

Вспоминая про события, мы чаще всего представляем не суть, не факт, не мысль, не набор сведений по поводу случившегося, мы вспоминаем образ события. В начале 2001 г., когда телевидение еще только вырабатывало формы телевизионного общения народа с Владимиром Путиным, программу называли — «Разговор с президентом. Крупный план». Наспех смонтированное произведение, показанное в итоговой воскресной программе «Вести недели» на государственном канале РТР (сейчас — «Россия 1»), тогда запечатлело первые лыжные заезды президента перед камерой и нарезку кадров из пяти байкальских вечеров Путина, проведенных в беседах с ведущими учеными страны. Ученые, волнуясь, докладывали президенту о состоянии «отрасли». Но уже к концу 2001-го страну ошеломили масштабностью и технологическим совершенством принципиально нового формата многочасового сеанса связи президента со страной. «Прямая линия с президентом» стала ежегодной. Третий российский президент этот телевизионный формат не унаследовал. Спустя семь лет «Прямая линия с президентом» перетекла в премьерский формат. Он опять стал называться просто — «Разговор с В.В. Путиным. Продолжение». Школьники советских времен сразу же вспомнили программное стихотворение В. Маяковского 1929 г. «Разговор с товарищем Лениным».

«Разговор» 2009 г. выстроен уже совершенно по иным законам: многочасовой прямой эфир, полукруг амфитеатра Гостиного Двора, плавающая камера, демиург в центре. Ритуальность действия отсылает к античному театру. Совпадают не только цели (сообщить зрителям возвышенное настроение, отвлечь от грустных будней), но и методы. Эллины, приходившие на пьесу Еврипида, хорошо знали миф, по которому разыгрывалось представление. Зрители России тоже стали понимать, что для конкретного дозвонившегося, отобранного по драматургии сюжетной линии, может случиться «чудо». Вдо-

ва, офицер, пенсионерка, ребенок, крестьянка, молодая семья могут быть очастливлены. Пенсией, елкой на площади, квартирой, нарядным платьем, газом, гражданством и прочими благами. Метафизика сначала «Прямой линии», а теперь и «Разговора» очевидна — он запечатлевает в сознании зрителей образ чудотворца. Стержнем магического восприятия власти и ее верховного носителя становится убеждение подданных, что все в стране зависит от первого лица государства, от сверхчеловека, который наделен колоссальной властью⁴ и в котором воплотилось «напряжение коллективной надежды»⁵.

Смысл происходящего далеко не всегда исчерпывается тем, что мы видим в кадре. Пространство за кадром принадлежит смысловой неопределенности экранного произведения. Значение кадра складывается из отношения того, что мы в данный момент видим на экране, к тому, что, по нашему мнению, осталось за его рамками. Прибегнув к аналогии с алгеброй, можно сказать: формула художественного смысла в кино и на телевидении представляет собой систему уравнений с несколькими неизвестными. Одним из таких неизвестных будет пространство за кадром⁶. Это пространство, как и «образ события», важно декодировать.

Постсоветская политическая культура и не во всем удачные реформы 90-х привели к власти Путина с его авторитарной программой, и телевидение в этой трансформации и легитимации нового политического порядка сыграло важнейшую роль.

Путин — «медиагерой» вертикали. Беспрецедентно грязная кампания в Думу 1999 г. была составной частью нового зрелища нового политического цикла, его финалом — досрочные президентские выборы. По сути дела, в декабре 1999 г. страна уже выбрала президента. Раскрутка «бесцветного политика» стала началом масштабного превращения второго президента России в «медиатизированного» политика, в носителя мифологического образа, который, в конце концов, станет стержнем идеологии «эпохи Путина». Образ нового президента будет помогать воспроизводить «советский миф». «Сильный национальный лидер» — «великая держава» — «патерналистское государство с ши-

¹ Цит. по: Тарошина С. Когда выпадет снег // <http://www.gazeta.ru/kolonka.shtml>

² Шампань П. Делать мнение. Новая политическая игра. М., 1997. С. 154–155.

³ Москвичи С. Век толп. М., 1998. С. 238.

⁴ Юнг К.Г. Диагностика диктаторов // Одайник В. Психология политики. М., 1996. С. 346.

⁵ Кассирер Э. Политические мифы // Реклама: внушение и манипуляция. М., 2001. С. 384–385.

⁶ См. подробнее: Лотман Ю., Цивьян Ю. Диалог с экраном. Таллин, 1994.

рочайшими полномочиями» — «порядок» для укрепления безопасности, ущемление свобод во имя «стабильности».

В середине июля 1999 г. в СМИ разразилась «информационная война», привычная для эпохи Ельцина. Она знаменовала начало новых времен политического противостояния. В сценарии той предвыборной кампании уже не было идеологической битвы «красных» и «белых», «коммунистов» и «демократов» — в политических верхах шла драка не только за финансовые трофеи, которые дает и защищает власть, но и за саму власть.

Внешне «две партии войны» были представлены двумя телеканалами: Б. Березовский (контролировал ОРТ, главный телеканал страны) против В. Гусинского (главный инструмент — телеканал НТВ). Кремль против «Газпрома», «Медиа-Моста» и столичного мэра Лужкова. ОРТ против НТВ. В июне 1999-го еще отсутствовал единый кандидат на Кремль, который устраивал бы всю политическую элиту. К началу июля в головах кремлевских технологов стал прорисовываться образ будущего наследника и схема будущей кампании¹.

Ставка на «новые имена» была беспроигрышной. После выборов 1996 г. Россия постоянно ждала своего героя. Причем на фоне всеобщей нелюбви, стыда и жалости к стареющему и нездоровому президенту страна жаждала найти молодого, уверенного, сильного хозяина².

В такой ситуации легко рождаются иллюзии. В ситуации нестабильности, каждое новое лицо власти — Лебедь, Немцов, Примаков,

¹ Тогда одним из косвенных доказательств было заявление Бориса Березовского. Весной 1999 г. было точно известно, что этот политический игрок ни в коем случае не станет поддерживать Лужкова с Примаковым. Еще в мае Березовский говорил о поддержке Александра Лебедя, а уже в двадцатых числах июня заявил, что не собирается поддерживать никого. Правда, тут же добавил, что в российской политике должны появиться новые имена. Через месяц премьером был назначен никому не известный «преемник». Спустя 10 лет дочь уже покойного президента Ельцина Татьяна Юмашева расскажет в своем блоге, как и из кого ее отец выбирал Путина.

² К 1999 г. все большее число россиян отвергало нестабильность начала 90-х вместе с некоторыми, хотя и не со всеми (число сторонников свободного выезда за границу неизменно превышало число противников), принесенными этими годами возможностями. Все большее количество людей были готовы удовольствоваться небольшим, но твердым заработком и уверенностью в завтрашнем дне, т.е. тем, что они имели в советское время. Одновременно падал и без того низкий рейтинг политических прав и свобод, дойдя в 1999 г. до 2%. В числе нововведений, пришедших с реформами, наиболее непопулярной была многопартийность. К 1999-му 50% опрошенных россиян считали, что она причинила больше вреда, чем принесла пользы. См. об этом подробнее: *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию: социологические очерки: 1993–2000. М., 2000. С. 440 и след.

Степашин — вызывали прилив симпатий и новые надежды. Новому персонажу готовы отдать свои голоса 15–20% разочарованных и одновременно влюбчивых граждан. Жизненный цикл популярности таких политических персонажей в России 90-х — примерно год. Технология «дискредитации» старого порядка («лихие 90-е») и новых противников (либералы/ демократы/ внешний враг), «административный ресурс», а также телевидение как главный канал продвижения, для Владимира Путина и его окружения окажутся беспроигрышными.

В 1999 г. «новые имена», ограниченное время и проигравшие противники — факторы, которые учитывались и планировались. Но только их было недостаточно. Желательно, чтобы весь спектакль по раскрутке «новых персонажей» разворачивался на неординарном, стремительно меняющемся, даже кризисном социально-политическом фоне, где герои или герой могли бы проявить свою эффективность и действенность. Взрывы домов, начало чеченской операции кардинально изменили общественные настроения, произошла милитаризация массового сознания. Осенью 1999 г. грянули коррупционные скандалы³ с отмыванием денег, в которых были замешаны многие персонажи политической верхушки. Попадание этих событий в необходимый драматургический контекст сделало появление «героя» необратимым.

Любая кампания в СМИ развивается по законам драматического зрелища. В нем есть главный герой (протагонист) и злодей (антагонист), есть критические обстоятельства и осложнения, которые герой постоянно преодолевает. Так действие развивается. Наконец, есть финал — планируемый или непредсказуемый. Каждая предвыборная кампания — не что иное, как зрелище, спектакль. Рассмотрим, как тот — самый первый для Путина спектакль — ставили на телевидении.

³ Скандал вокруг «Мабетекс» разразился в январе 1999 г., когда по просьбе российской стороны швейцарский прокурор Карла дель Понте провела обыски в представительствах этой швейцарской фирмы. В частности, там были обнаружены кредитные карточки, выписанные на имена дочерей российского президента. Самые высокопоставленные российские чиновники во главе с Павлом Бородиным стали подозреваться в получении от компании «Мабетекс» огромных взяток в обмен на получение заказов на проведение ремонтных и восстановительных работ в государственных зданиях в Москве, включая Кремль. Но после «скандальной пленки развлечений с девушками человека, похожего на генпрокурора», показанной по государственному РТР, Юрий Скуратов, деятельность которого по расследованию этих дел поддерживалась Евгением Примаковым и мэром Москвы Юрием Лужковым, был отстранен от должности. Сам Скуратов позже заявлял, что именно глава ФСБ Владимир Путин тормозил расследование дел «семьи».

Для начала публика должна понять, кто главный герой. Для этого он всегда на экране. Председатель правительства — «ньюсмейкер» по определению. За последние два месяца перед выборами 1999 г. из всех политических программ окончательно исчезла жизнь страны. Не было нормальных репортажей, если не считать репортажей из Чечни — да и то, как правило, с одной стороны. Из якобы аналитических программ исчезли даже эксперты. Ведущие превратились в бойцов и были сами себе аналитиками, социологами, политологами. Практически все информационные выпуски тех осенних месяцев начинались с того, что «герой» заявил, где и с кем встретился, куда отправился, как прокомментировал чье-то заявление, кого осудил, поздравил, поддержал. То же самое — и про политический блок «Единство», предка «Единой России». Три-четыре сюжета ежедневно, в каждом выпуске новостей первого и второго телеканалов так или иначе касались Путина и «Единства». Неважно, что беженцами всю жизнь занималась специальная миграционная служба, а не МЧС. Неважно, что министру Шойгу никто не давал полномочий на переговоры с президентом Чечни Масхадовым. Это все мелочи, на которые зритель не обращает внимания.

Главное, чтобы герой был органично вписан в ситуацию. Зритель навсегда запоминает крупные планы, которые телевидение будет тиражировать два месяца подряд: премьер в шлеме летчика, пилотирующего истребитель, премьер в пилотке морского офицера, министр, окруженный стариками, женщинами, детьми. «Образ» застревает в сознании лучше, чем слова. «Когда мы убираем картинки... из нашего сознания, мы начинаем мыслить», — заметил философ Мераб Мамардашвили. Можно сказать и наоборот — когда в наше сознание вставляют картинки, мы перестаем мыслить.

Образ государственника — современного, серьезного, мужественного, в меру жесткого патриота — интенсивно лепили всю осень, вплоть до начала ноября. Помимо появления в информационных выпусках Путин с завидным постоянством разъяснял суть государственной политики в эфире политических воскресных программ ОРТ и РТР. Двадцатиминутные интервью Путин давал попеременно то Доренко (ОРТ), то Сванидзе (РТР): 5 сентября 1999 г. — Доренко, 19 сентября — Сванидзе, 10 и 17 октября — Сванидзе, 31 октября — Доренко.

Кстати, до этого времени государственное ТВ не показывало варварские съемки, сделанные чеченскими боевиками: расстрелы и отре-

занные головы. Устрашающие кадры показали 19 сентября 1999 г. в эфире «Зеркала» (воскресенье, 20.00). Первый крупный план — тесак, нанесенный над шеей солдата. Дальше — темный экран, за кадром — булькающий звук и предсмертные хрипы. Последний план — отрезанная голова. Съемка датирована 1996 г. По сути, зрителям впервые продемонстрировали агитационный ролик для тех, кто должен сражаться с террористами, для тех «пацанов, которые зубами вырвут у врага победу». Именно такими словами закончился этот жутковатый материал. Вслед за ним в программе «Зеркало» появился Владимир Путин, в белоснежной рубашке, пиджак — на спинке стула. Перед премьером лежали карта, указка, документы. Как перед полководцем накануне решающего сражения. Он объяснял, как будут действовать на Кавказе.

Вплоть до октября 1999 г. Путин — положительный герой всех без исключения политических программ. Его не касается «грязь», которая начинает выплескиваться в эфир со всех сторон. Путин осваивается в публичном пространстве, начинает импровизировать. В начале октября в политический обиход входит «сортирная» лексика. Один из имиджмейкеров Путина того периода убедил автора этой статьи в том, что фраза «мочить в сортире» принадлежит лично премьеру. Эти слова сделали образ премьера более народным. Рейтинг Путина значительно подрос, о чем не уставали напоминать с экрана. 10 октября «образ» премьера лепили в «деловых декорациях». В мизансцене «Воскресное чаепитие после важного совещания» участвовали Путин, И. Сергеев¹, Геращенко² и ведущий «Зеркала» Сванидзе. Сцена продумана до мелочей. Главный герой, конечно же, Путин. Но его эффектно оттеняют финансист и силовик. Рядом команда. Герой не одинок.

К началу ноября в государственных политических программах появляются принципиально новые персонажи, новые образы и мотивы. Воюющий генерал Шаманов в камуфляжной форме, по сути дела, публично присягает новому символу страны, за которым пойдет не только армия, но и общество. «Всем надоело, что Россия унижена, — чеканит генерал в студии «Зеркала» 7 ноября. — Мы пойдем за Путиным. И наступит завтра». Куда пойдем, какое завтра? Об этом Сванидзе генерала не спрашивает. Через час после эфира на РТР в программе Сергея Доренко на ОРТ вдруг показывают репортаж из Пакистана, где к власти пришли военные.

¹ Тогда и.о. министра обороны.

² В 1999 г. — глава Центробанка.

Причем корреспондент за кадром рассказывает, что переворот военных одобрило все население, переворот обошелся без крови и никто не был убит. Пакистанский эксклюзив — намеренно или нет, не важно — поддерживал ассоциативный ряд: если к власти приходят силовики, то это не страшно.

По мере того как рос рейтинг преемника, пространных телевизионных интервью от Путина уже не требовалось. Нужны были «яркие мазки» и демонстрация деятельной вездесущности — облеты страны, поездка к соседям, смотрины ВПК, наезды в Чечню. С героем должны ассоциироваться понятия «действие», «движение», «энергия». Та же тактика использовалась и при «раскрутке» «Единства». С начала ноября министр по чрезвычайным ситуациям Шойгу — новый герой политических и информационных программ. Причем Шойгу в буквальном смысле раздваивался. До 18 часов Шойгу занимался исключительно взрывами, катастрофами и беженцами, а после 18 — только агитацией в пользу блока «Единство». Образ деятельного борца с несчастьями лепится просто, без излишеств. Шойгу — тоже вездесущ, мобилен, организован, немногословен. О нем, как и о Путине, рассказывают, употребляя только глаголы действия. Осмотрел, прилетел, решил, отправил. Дальше смысловой ряд дополняется легко: работает школа, открывается баня, налаживается жизнь. Эти хорошие дела ассоциируются исключительно с энергичным министром.

У каждой «воюющей» группировки в 1999 г. во время выборов в Думу, разумеется, были свои антигерои. Но «антигерои» из партии власти в основном не обладали политическим лицом, их трудно показывать, они за кулисами. Поэтому примаковско-лужковский блок боролся с коллективным антигероем — президентской администрацией — и в меньшей степени с детищем Кремля — блоком «Единство». Коллективный антигерой «кремлевского» предвыборного спектакля — блок «Отечество — вся Россия». Антагонисты героя Путина — Лужков и Примаков. «Отечество» хочет стать партией власти и этого нельзя допустить, считают в Кремле. «Единство» должно стать «партией нового президента» — и этого нужно добиться. Таковы главные сюжетные линии предвыборного спектакля конца XX века в России.

«Черный пиар» в отношении Лужкова и «Отечества» зрители и некоторые журналисты тогда трактовали как «борьбу за правду» или как «личное хамство» Сергея Доренко, работающего по заказу Березовского. И без всякой связи

с Кремлем. Это уже под занавес предвыборной вакханалии «всплывут» записи переговоров между Березовским, Невзоровым и Доренко. Все трое не без удовольствия признаются, с каким воодушевлением они разрабатывали сценарий телевизионной кампании.

В одном из интервью самый одаренный «делатель» антигероев Сергей Доренко признался: «Мне нравится Лужков. По моей оценке, он жуликоватый и очень непосредственный человек. Он лучше своего окружения. Думаю, что он давно уже ширма для братьев и братков. И думаю, он об этом знает. И он огорчен. Он несчастный человек. И одинокий человек. Быстро стареющий человек. Он очень хочет, чтобы его искренне любили. Хотя бы избиратели. Это если говорить о реальной личности. Виртуальная же личность Лужкова — это персонаж моих шоу. Он мне тоже нравится. Это Лужков такой, каким он себя представляет публике»¹.

Признание, которое лишний раз убеждает — политические режиссеры с «драйвом» (выражение Березовского) «рисовали карикатуры» (выражение Павловского) и разыгрывали сенсационное зрелище. Доренко, безусловно, сделал свое дело: умерил политические амбиции Лужкова и развеял миф о нем как о всемогущем отце сытого и процветающего города. Все следующие 10 лет после тех разоблачений Кремль предпочитал многочисленные московские безобразия использовать как политическую карту² и не предпринимать никаких действий.

«Антигерои» спектакля — не отъявленные злодеи, но персонажи колоритные. У Примакова и Лужкова за плечами жизнь, богатая разными событиями, которые можно интерпретировать как угодно, в том числе в карикатурном жанре. В этом смысле оба «антигероя» сделали режиссерам шоу подарок. После каждого информационного удара эти «царственные политические особы» вступали в перепалку с простыми работниками политической сцены, чем серьезно подрывали свой авторитет.

В кампании по продвижению Путина во власть на экран выплеснулась причудливая смесь съемок спецслужб, яростных комментариев, грубого монтажа, вранья, хамства, оскор-

¹ Доренко С. Лена Батурина разогналась и прыгнула на Лужкова // Огонек. 1999. № 52. Режим доступа — <http://www.ogoniok.com/archive/1999/4624/37-40-41/>

² Только в 2010 г. — в канун нового политического цикла — с Лужковым расстались, хотя комбинация с отставкой московского мэра публично выглядела странной и не совсем продуманной. Символом борьбы с коррупцией один из лидеров правящей партии так и не стал, а грубое шельмование стареющего тяжеловеса вызвало к уходящему Лужкову сочувствие даже у его постоянных оппонентов.

блений и непристойностей. Пропагандисты за- просто обвиняли политических противников в воровстве, шантаже, убийствах, антиправитель- ственном заговоре. Каждая история про «анти- геров» была маленькой сенсацией, в которой, следуя заповеди одного из первых магнатов желтой прессы Херста, всегда содержались эле- менты примитивной человеческой природы — самосохранение, любовь и размножение, тщес- лавие. Пропагандисты рассказывали именно о том, что больше всего любит обыватель. О род- ственниках «сильных мира сего» — настоящих и мнимых. Об их «семьях» — в буквальном и в «сицилийском» (мафия) понимании этого сло- ва. Об их собственности и о состояниях. Об альковных утехах. О жеребцах, домах, болез- нях, карьерах, человеческих слабостях. Такова сенсация — бойкая, смешная, часто — наглая, облитая пикантным соусом, когда шоумены добиваются внимания публики при помощи преувеличения, потакания страстям и предрас- судкам публики.

Самый яркий пример — сопоставление не- мощного и болезненного Примакова с энергич- ным и моложавым Путиным. Сопоставление не любовое, но запоминающееся. Обоих почти всег- да показывают в движении. Примаков в кадре материалов ОРТ и РТР, как правило, медленно и с трудом передвигается, Путин — стремителен, даже порывист. В кадр уже тогда редко попада- ют охранники и обслуга премьера. Мы не видим, как Путин выходит из машины, зато видим, как легко он вскакивает на ступеньки, сбегает по трапу. Визуально вокруг Путина все время соз- дается движения, вернее именно оно попадает в кадр: даже если он стоит, то вокруг него все вре- мя что-то происходит — жестикулируют люди, толпятся журналисты. Примакова чаще пока- зывали то сидящим (в президиумах, на встречах с избирателями), то стоящим на трибуне. Ви- зуально, да и психологически, стол или трибу- на делят кадр пополам, воздвигая барьер между персонажем и публикой. Кадр статичен, в нем нет внутреннего движения. Остается ощущение, что герой не вместе с людьми, он над ними. Кар- тинка подкрепляется словами: мудрость превра- щается в консерватизм и ретроградство, полити- ческий опыт в приспособленчество. В результате рождается сопоставление на смысловом уровне: Примаков — стар, Путин — молод. Примаков — по-стариковски рассудителен, Путин — «мочит» с плеча. За Примаковым — наследие прошлого, у Путина — все впереди.

Игра со словом и смыслом — в российской словесной традиции сведения счетов. Один из

самых куражистых монологов Доренко был по- строен на обыгрывании нелепой фразы «член семьи его жены». Дальше выстраивается смыс- ловой и образный ряд: «человек, который от- вечает только за свою жену, — пенсионер», «че- ловек, который обсуждает жену, не мужчина», «такого мужчину впору нарядить в женское платье». Кстати, Керенский, бежавший от боль- шевиков, которого Доренко упоминал в этой связи, никогда в женское платье не переоде- вался. Это тоже старинный пропагандистский миф. Но для Доренко это несущественно. Он — творец современных мифов и зрелищ. История должна быть с продолжением и заканчиваться на самом интересном месте. Вот примеры: «по- иски землицы столичного мэра за границей», «сериал о тазобедренном суставе Примакова», «история мэрского жеребца», «история убий- ства американского бизнесмена». Но «анти- герой» еще должен вызывать устойчивые ассо- циации. «Юбилейный портрет “антигероя”» Примакова исполнен в программе П. Шере- мета¹ в жанре библейского «жития». Юбиляру припомнили все: и родители-то его неизвестно кто, и профессия у него сомнительная. К тому же Примаков — удачливый современник всех политиков и начинающий журналист еще во времена Сталина. Вроде и нет ничего особен- ного в этом телепортрете, одобренном цитатами из Примакова советского периода и хроникой тех времен. Но контекст, музыка, умело смон- тированный видеоряд и соответствующий текст рожают образ. В данном случае неприятный образ старого беспринципного приспособлен- ца. Человек смотрит на экран и не отдает себе отчета в том, почему ему неприятно. Но цель достигнута. Если из недели в неделю говорить, что политик — стар, немощен и несимпатичен, то он в итоге перестанет вызывать симпатии большинства. Это, в том числе и по объектив- ным причинам, случилось с Ельциным. Такого же эффекта «отторжения» добивались в случае с Примаковым.

В «кровавом триллере о тазобедренном су- ставе Примакова» — пример классического спо- соба подмены понятий: вторая операция, якобы предстоящая бывшему премьеру, из гипотетиче- ской превратилась в реальную. Логика простая: если один сустав заменили, значит, и второй придется менять. Доренко всерьез рассуждает о времени проведения хирургического вмеша- тельства, а в финале делает вывод: «только став

¹ Журналист Павел Шерemet позже будет публично раскаиваться в том, что принимал участие в этой «информационной войне» и в резуль- тате уйдет с государственного телевидения на «вольные хлеба».

президентом, Примаков сможет спокойно лечиться следующие четыре года». Зритель, уже не раз испытывавший стыд за «загогулины» и «болезни» одного президента, вполне разумно решит: другой больной старик не нужен.

Еще один работающий набор ассоциаций: сравнение политического противника с самыми «темными» силами — коммунистами, фашистами, сектантами. В кампании 1999 г. повторялись следующие главные положения сюжетной линии противостояния «власти и антивласти». «Семья» Лужкова — это мафиозная семья. «Кремлевская семья» — это безответственная «камарилья». «Все, что делает Лужков для Москвы, — это показуха», «Примаков и Лужков “засвечены” в связях с Западом». «Путин — символ безопасности и порядка», «Путин — единственный реальный преемник Ельцина».

Детали, которые дополняют, уточняют, поддерживают масштабное телевизионное действие, иногда почти незаметны. Например, в репортаже из одного российского города совсем не на тему выборов в кадре, в качестве перебивки, постоянно мелькает тумба для афиш. Вся она обклеена плакатами «трех лидеров “Единства”» («Новости», ОРТ). Или — тема падения рейтингов Лужкова интерпретируется в соответствии с сезоном. Неумолимость падения столичного мэра эмоционально поддерживает видеоряд. Серый асфальт, смурное небо, опавшая листва. Так рождается телевизионное полотно под названием: «Лужков, уже падают листья!» (субботняя программа «Время», ОРТ).

Роль войны в формировании «образа» Путина — тема специального и отдельного разговора. Так же как и показ этой второй чеченской войны по телевидению, для которого официальная пропаганда обосновывала теорию «правды фактов и правды истины». По этой теории, «война» — это не война, поскольку она не объявлена, а всего лишь операция, «зачистка». Тысячи беженцев — не беженцы, а временно перемещенные. Показ трагедии народа — «информационная война против России». Для иллюстрации — всего лишь один пример. 12 декабря, 20.00, программа «Зеркало». Репортаж из Чечни. Корреспондент обращает внимание на дом из красного кирпича, который военные демонстрируют журналистам. Репортер, кстати, замечает, что таких дворцов, построенных на фоне убожества и нищеты, хватает и в Подмосковье. В кадр попадает старик с белым флагом и по ходу дела выясняется, что дом принадлежит спортсмену — чеченцу, который выступает за сборную России по каратэ. Военные

несколько смущены. Через час, уже на Первом канале (ОРТ), в программе Доренко — тоже репортаж из Чечни. Показывают того же старика и тот же дом. Те же арки, окна и железные ворота, которые, так же как и в репортаже российского телевидения, пытаются открыть военные. В кадре рядом с домом тот же генерал Шаманов. Шаманов, показывая на особняк, возмущается: «Вот она — боль и слезы России. Здесь пенсии, не выплаченные старикам Чечни, здесь деньги, не доставшиеся детям». Какому же из репортажей верить? По-видимому, тому, который больше нравится. В зависимости от отношения к войне, Чечне и чеченцам.

«Ударим рейтингом по конкурентам. Тот самый Путин» — такие издевательские заголовки появлялись в газетах того времени, обсуждающих ангажированность всяческих опросов. Сами по себе опросы не могут быть, разумеется, средством пропаганды. Но чрезмерное включение опросов в предвыборный сценарий и соответствующая интерпретация результатов — дополнительный механизм раскрутки. Осенние опросы 1999 г., показавшие, как после начала чеченской операции рванул вверх рейтинг Путина, позволили развязать в прессе кампании под лозунгом: «Путин — надежда нации». Комментарии результатов опросов на главных каналах ОРТ и РТР, поддерживающих Путина, с октября по декабрь 1999-го, с незначительными вариациями сводились к следующему: Путин — лучший, главный, первый; Лужков — худший, мелкий, суетливый, обидчивый. Все остальные персонажи, вроде бы участвовавшие в гонке, не удостоивались почти никаких комментариев. Евгений Киселев (НТВ) в начале ноября отказался от демонстрации результатов опросов, чтобы, как он сказал, не вводить людей в заблуждение. Но если бы результаты укладывались в сценарий антикремлевской группы, то, предполагаю, ими бы все-таки воспользовались.

С начала ноября в программах Доренко и Сванидзе стали обнародовать рейтинг ожидания нового президента. Это лишний раз подтверждало: выборы в Думу были не столько выборами парламента, сколько первым актом выборов президента. 20 ноября руководитель Фонда общественного мнения Александр Ослон с научной точки зрения объяснил феноменальный результат Путина (24%), произнеся магическую фразу: «Путин — политик, которого ждали». Под занавес первого акта Сванидзе обнародовал опрос ВЦИОМ конца декабря «Кто будет следующим президентом?». 52% называ-

ют Путина, Примаков и Зюганов получают по 5%, 32% — не знают. «Ненаучная» поддержка результатов социологических опросов осуществлялась с помощью интерактивных телефонных опросов. 10 октября 1999 г. в эфире «Итогов» (НТВ) был впервые публично задан вопрос: должен ли Ельцин передать полномочия Путину? Из 16 тысяч позвонивших 15 тысяч ответили утвердительно.

После массовой двухмесячной кампании и победы путинского «Единства» на выборах 26 декабря в программе «Зеркало» задают вопрос: «Какое событие года вы считаете наиболее ярким?» Варианты ответов: назначение Путина премьером, операция в Чечне, результаты выборов в Думу (оставим за скобками то, в каком смысле в этот перечень попала операция в Чечне и как вообще война может быть отнесена к ярким событиям). Большинство позвонивших — более 10 тысяч — считают самым ярким событием года назначение Путина. Сванидзе был готов к такому результату, в финале программы он провозглашает осанну будущему российскому президенту. «Просто фантастика, — восклицает Сванидзе. — Путин — это переломный момент в истории. Путина приняла нация, он оказался политиком, которого ждали. Путин очищает патриотизм как фамильное серебро от налипшей грязи, он олицетворяет сплав патриотической идеи и западных либеральных ценностей». Такой бурной телевизионной во всех смыслах кампании больше уже не будет, а молодые люди, которые 10 лет назад были детьми, с изумлением будут смотреть на экран — разве такое возможно?

Итак, именно с этой кампании начинается публичная деятельность Путина — «верховного одиночки», — который поступательно, на протяжении двух сроков своего президентства, будет «зачищать»¹ политическое поле от противников, оппонентов и «несогласных»². Будет

¹ События 1999–2000 гг. — взрывы домов, вторая чеченская война, «дело Бабичего» — возвращают в информационное поле понятия «государственная пропаганда», «национальная идея», «наши — не наши». Накануне решающей битвы за НТВ кремлевский технолог Глеб Павловский провозгласил «крушение СМИ демократической республики и закат эры олигархов» (2000 г.). В этой фразе в утрированной форме выражена сущность изменений, которые произошли в сфере массовой информации после Ельцина. К весне 2001 г. двух главных медиаолигархов прежней эпохи В. Гусинского и Б. Березовского в стране уже не было, в последующие годы их постепенно выдавили на политическую и медийную периферию.

² Предвыборная кампания 2003–2004 гг. прошла по меркам 90-х гг. скучно, без неожиданностей для «партии власти». Даже скандал с ЮКОСом (2004) с последующими арестами, отъездами и судами над акционерами ничего принципиально не изменил в информационных сценариях. Лозунги «Россия — для русских» и «Отобрать и поделить»

ликвидировать многие сферы независимости: отмена выборов губернаторов, создание федеральных округов и централизация власти, реформа Совета федерации, изгнание оппозиции из Госдумы, которому, правда, способствовало реальное снижение популярности либеральных СПС и «Яблока» и реальная неподдержка населением идей многопартийности, ликвидация влияния политико-экономических кланов через СМИ и ограничение деятельности общественных организаций, финансируемых в том числе зарубежными донорами. Одну из главных ролей в этой «перекодировке» режима и политики сыграет уничтожение «телевизионного плюрализма»³. Путин, видимо, никогда не сомневался (или его в этом убедили), насколько могущественным оружием может быть телевидение в новейшей России. Он пришел к власти благодаря телевидению, и поэтому независимый, не контролируемый лояльными людьми канал, охватывающий около 70% российской территории, наверняка представлялся ему опасным.

«Убрав с дороги строптивых владельцев НТВ и ОРТ, Кремль стал проводить по пятницам еженедельные встречи с главами ведущих телевизионных каналов, на которых помощник Путина Владислав Сурков, кремлевский консультант Глеб Павловский и другие распределяли темы для новостей. Телевидение превратилось в инструмент политического управления, — рассказывал позже один из участников этих собраний. — Все подавалось прямолинейно и очевидно, как чистая пропаганда»⁴.

Один из ближайших помощников Путина рассказывал журналистам из американской газеты The Washington Post, авторам книги «Восход Кремля: Россия Владимира Путина и конец революции»: «Он смотрел на себя в телепрограммах, а потом разбирал все в деталях»⁵.

умело поддерживались, когда надо — микшировались. Массированная информационная кампания, проведенная основными каналами (лидеры «Единой России» — по совместительству чиновники и министры — каждый день мелькали на экранах, перемещаясь со стадионов в детские дома и другие социальные объекты), привела к тому, что 12% телезрителей признали «партию власти» лучшей в дебатах, хотя «Единая Россия» в них не участвовала. Президентская кампания была еще более предсказуемой.

³ В сентябре 2004 г. на встрече с западными экспертами и политологами Путин произнес знаковую фразу для следующих четырех лет: «Власть, как мужчина, должна пытаться, а пресса, как женщина, обязана сопротивляться». Цит. по: Злобин поговорил с Путиным // Газета. 2004. 8 сентября.

⁴ Kremlin Rising: Vladimir Putin's Russia and the End of Revolution. Цит. по: <http://lenta.ru/articles/2005/06/10/intrigues/>

⁵ Kremlin Rising: Vladimir Putin's Russia and the End of Revolution. Цит. по: <http://lenta.ru/articles/2005/06/10/intrigues/>

Путин знал и видел, что такое «информационные войны» и «войны компроматов», а в некоторых из них ему, как сподвижнику Собчака в Петербурге и главе ФСБ при Ельцине, судя по всему, пришлось участвовать. Он не верил в реальность телевизионной картинки и, скорее всего, был убежден, что телевидение — это технология, а журналисты отрабатывают заказы. О том, как был возмущен президент телевидением в самом начале своего пребывания в должности, рассказывал Сергей Доренко, помогавший до этого Путину прийти к власти.

Путин воспринял как личное оскорбление передачи российского телевидения, жестко критиковавшие медлительность властей и ложные официальные заявления в связи с гибелью подводной лодки «Курск», затонувшей в Баренцевом море в августе 2000 г. Возбешенный Путин лично позвонил на телевидение по поводу репортажа и обвинил журналистов в том, что они сфабриковали материал. «Вы наняли каких-то шлюх... чтобы дискредитировать меня», — кричал Путин, вспоминает Сергей Доренко, в то время постоянный ведущий Первого канала. Доренко был ошеломлен¹. «Эти женщины были женами офицеров, — рассказывает он, — но Путин был убежден, что никакой правды, никакой реальности на свете не существует». Надо полагать, Путину на всю жизнь запомнилась встреча с родственниками членов погибшего экипажа, организованная через шесть дней после того, как затонул «Курск».

В случае с трагедиями на Дубровке («Норд-Ост») и в Беслане реакция Путина была похожей. С пострадавшими и их родственниками в контакт не вступать, публичного сострадания — минимум, реакция — с опозданием (обращение через 12 часов или даже через сутки), убежденность, что истерику провоцируют журналисты, «зарабатывая рейтинг и деньги» на трагедии.

Почти 10 лет — вплоть до встречи с протестующими рабочими в Пикалево (город-завод в Ленинградской области) в 2009 г., к которым премьер прилетел после двух президентских сроков уже в новой должности, — Путин не встречался ни с какими разъяренными женами, потерявшими детей матерями и другими возмущенными гражданами.

Телевизионные форматы. За 10 лет менялась ритуализация образа верховного лица. Появились новые форматы, в общественный обиход

были введены новые телевизионные обряды и обновлены прежние, советские. Теперь набор государственных символических зрелищ выглядит так: трансляция главных богослужений во время празднования Рождества и Пасхи (с участием президента и «ближайшего окружения»), церемония инаугурации, празднование Дня Победы и «прямые линии» связи с народом. Рассмотрим их подробнее.

Ритуализация и религиозные праздники. Особую роль в становлении образа новой светской власти в России играет церковь. Ельцин не возражал против упрочения роли церкви в обществе, но сам глубоко верующим не был. Но именно первого президента России хоронили уже по церковному обряду — отпевали, как некогда русских царей. Для Владимира Путина — не будем касаться глубоко личного вопроса веры — православие, а точнее, связанные с ним канон и ритуальность, — один из важных способов подчеркнуть его легитимность, связь политического курса с почвенной, исконной традицией.

«Вера предполагает подавление критического мышления. Вера абсолютна. Нельзя верить наполовину². Там, где есть боги и абсолютная вера, непременно появляется религия. Мифологическая и религиозная — «родственные системы мировоззрения³», они обе «живут самоутверждением личности⁴». Упорядоченность, зрелищность, таинство — все эти характеристики церковного обряда помогают и формированию образа новой власти, вписанной в этот канон. В нее надо верить. Несмотря на то что у части народа⁵ по отношению к держащим свечи бывшим коммунистам и советским офицерам наблюдается ироническое отношение (их называют «подсвечниками»), Рождество и Пасха, трансляции которых специально готовятся под телевизионную картинку, — стали частью образа государственной власти.

Самая эффектная картинка первых дней наступившего нового 2004 г.: маленькая провинциальная церквушка в рождественскую ночь, она освещена сбоку, сзади и сверху, нарядная, как на рождественской открытке; сияет и искрится снег. В кадре ни души. Эффектный план: одинокий прихожанин с известной всей стране

² Цуладзе А. Политическая мифология. М.: Эксмо, 2003. С. 147.

³ Лесков Л. Кого будут жечь на костре лженауки // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/Article/lesk_kogo.php

⁴ Лосев А. Ф. Дialeктика мифа // <http://lib.rus.ec/b/133519/read#t2>

⁵ Около 70% населения называют себя православными, хотя регулярно исполняют обряды около 5%.

¹ Цит. по: Мельников А. Путин должен извиниться перед военноморским флотом России. 11.12.2004 // http://www.yabloko.ru/Publ/2004/2004_12/041214_melnikov.html

походкой идет по дороге к храму. На крыльце его встречает батюшка, и вдруг невидимый в ночи народ, отогнанный от церкви за оцепление, чтобы не мешать проходу, кричит здравцу этому одиночке. Тот оборачивается на возглас всенародной любви, с улыбкой машет рукой и проходит в храм. На этом фоне соперники президента на грядущих выборах — охранник, гробовщик, предприниматель, аграрий, лидер «Родины» и либеральная женщина — выглядят экранными пигмеями.

Во времена Путина восстановленный еще при Ельцине храм Христа Спасителя, главный патриарший собор, во время трансляции главных богослужений (особенно пасхальных) становится важным местом для особо приближенных к российской власти. В разное время рядом с президентом во время службы стояли глава РЖД Якунин, премьер Фрадков, вице-премьеры Иванов и Медведев. Присутствие московского мэра Москвы в этой компании объясняется тем, что храм восстановили при Лужкове, и он никогда не рассматривался преемником. Когда президентом стал Дмитрий Медведев, никаких светских начальников рядом не стало, на переднем плане поставили детей. Этот знак можно прочесть и как грядущий символ обновления, но еще надо иметь в виду, что бывший вице-премьер курировал национальные проекты, в том числе вопрос демографии, а первый год его президентства совпал с объявленным годом семьи. Дети в кадре превратились в буквальную метафору. В 2010 г. во время рождественской и пасхальной службы на традиционном для показа месте стояли — Медведев с женой Светланой и Путин. Странная троица.

Когда-то у некоторых советских граждан и иностранных наблюдателей была привычка по расположению членов ЦК партии на мавзолее во время парадов и демонстраций угадывать хитросплетения кремлевской политики. Так и во времена Владимира Путина, когда публичной конкурентной борьбы не стало, по присутствию персон на богослужении, а также на Параде Победы 9 Мая — главном светском государственном празднике, единственном оставшемся с советских времен, — гадают о политических раскладах.

Пастыри в дни испытаний обращаются к народу. До Путина пастырское слово не использовали в мирской предвыборной суете. Но в день избрания Путина на второй срок, 15 марта 2004 г., патриарх Алексий с экрана, по сути, призвал голосовать за президента.

Инаугурация. «Чин коронации» по-русски еще называют и по-другому — «венчание на царство». Торжественное вручение царю символов его власти, сопровождаемое таинством миропомазания и другими церковными обрядами, означало его мистическое венчание с государством. Обрядом венчания называется в России и заключение таинства брака в церкви. Еще русский философ Н. Бердяев писал: «У русского народа есть дар покорности... Русский народ не чувствует себя мужем, он все невестится, чувствует себя женщиной перед колосом государственности, его покоряет сила». «Русская безгосударственность — не завоевание себе свободы, а отдание себя, свобода от активности. Русский народ хочет быть землей, которая невестится, ждет мужа»¹.

В актуальной и поныне для понимания российской ментальности статье «“Договор”» и “вручение себя” как архетипические модели культуры»² Ю. Лотман еще в 1981 г. писал: «В основе религиозного акта лежит не обмен, а безоговорочное вручение себя во власть. Одна сторона отдает себя другой без того, чтобы сопровождать этот акт какими-либо условиями, кроме того, что получающая сторона признается носителем высшей мощи... Поэтому средствами коммуникации являются в этом случае не знаки, а символы, природа которых исключает возможность отчуждения выражения от содержания, и, следовательно, обмана или толкования... следовательно, отношения этого типа имеют характер не договора, а безусловного дара»³.

Инаугурация — новый для России ритуал, сделанный для телевидения и телевидением поставленный. Все рассчитано и учтено. Трансляция начинается с часов на Спасской башне, которые отсчитывают минуты до начала торжества. Камеры с вертолетов и машин показывают проезд президентского кортежа по пустынной кремлевской набережной, по брусчатке очищенной от людей Красной площади, въезд в Спасские ворота, подъезд к дворцу. Распахиваются позолоченные двери и по дворцовой лестнице, застеленной красной дорожкой, глава российского государства проходит под сводами сияющих кремлевских залов. Вот здесь его встречает избранный народ, представители всех ветвей власти, патриарх, глава конституционного суда. Президент клянется на Конституции,

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 139.

² Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. — Т. 3. Таллинн: Александра, 1993. С. 345–355.

³ Там же. С. 347.

одиноким выходит на Красное/ Царское крыльцо (это его историческое название) внутренней соборной площади и принимает парад кремлевского конного полка — до Путина курсантов на лошадях в церемонии не было (кстати, именно эта царская традиция — одна из ключевых сцен в фильме 1998 г. Н. Михалкова «Сибирский цирюльник»). Уже без камер в одном из соборов Кремля сразу после светского торжества проходит церковная служба, на которой присутствуют президент с супругой (при инаугурации Медведева на Царское крыльцо Медведев вышел вместе с Путиным).

Инаугурация — зрелище символическое и ритуальное, но прежде всего телевизионное. С проездами, с уникальными съемками с высоты птичьего полета, проходами, золотом куполов и крестов, стуком копыт по многовековой брусчатке средневекового Кремля. В этой церемонии переплетаются знаки и символы российской истории и византийской традиции коронаций со знаками и символами другой, англо-саксонской и американской политической культуры. Здесь осколки монархии — от коней до колоколов; советской идеологии — от тружеников села в рядах Кремлевского полка и лучших представителей российского народа в Кремле (это слова комментария за кадром), советский гимн и клятва на Конституции (хотя с точки зрения идеи «власть от бога» клятва на тексте, который может меняться, — символически бессмысленна).

Тем не менее ритуал инаугурации отточили и зафиксировали как телевизионный канон именно при Владимире Путине. В этом ритуале на подсознательном уровне заложен код монаршества, сакральности верховной власти. Такому восприятию способствуют исторические декорации — соборы, дворец, Царское крыльцо. Избранность и высоту положения подчеркивает одиночество — президент как бы над всеми, без чад, домочадцев. Соратники небольшой группой появляются за спиной президента чуть позже (во время второй инаугурации Путина все обратили внимание на то, что Наи́на Ельцина была на церемонии, а Борис Ельцин нет). Подданные — это масса в залах дворца и миллионы зрителей, которые наблюдают за величи́ем съемки. Город, на фоне которого разворачивается спектакль, как будто зачищен от людей. Зато мельтешение и су́та толпы, обязательная, например, при проезде в аналогичной ситуации американского президента, не мешает величи́ю съемки в случае с президентом российским. Но было бы слишком упрощенным

считать, что Путин возвратил только символы царской власти. Помпезный внешне и эклектичный по сути ритуал не затрагивал существа ценностно-мировоззренческой картины народа, но визуально поддерживал анестезирующий миф о российско-советской империи.

День Победы. К государственным ритуалам — несущим почти религиозную функцию — помимо чисто церковных праздников и церемонии инаугурации относится еще и День Победы: традиционный парад, на который при Путине вернулась военная техника. Телевизионная минута молчания, которую 45 лет назад тоже специально придумали как телевизионный формат, всегда называли «молитвой по павшим». На первый взгляд в имперских ритуалах воспроизводятся постулаты архаической «теории официальной народности»¹, согласно которой русский народ глубоко религиозен, предан престолу, православная вера и самодержавие составляют неперемennые условия существования России, а народность — это понимание необходимости придерживаться собственных традиций и отвергать иностранное влияние. Но это был бы слишком упрощенный взгляд на вещи. Потому что, если к этому добавить советский миф о «великой державе» и неукоренившиеся, часто имитационные, но уже привычные за минувшие 20 лет процедуры и символы западных демократий (на высших торжествах всегда главы двух палат парламента, лидеры партий, судьи конституционного суда, известные бизнесмены), то это дает представление о том, как сложно закладывается основа для новой российской идентичности.

«Прямые линии» и экранный образ народа. Для общения с народом для Владимира Путина был придуман особый формат, в которой максимально воплотился «вечный миф» о справедливом царе, мудром отце и заступнике, естественным образом совпавший с историческим и национальным своеобразием способа взаимодействия большинства с социально значимой информацией. Жанр пресс-конференции превратился в ежегодный и обязательный ри-

¹ Лозунг «самодержавие, православие, народность». Основные принципы теории были изложены графом Сергеем Уваровым при вступлении в должность министра народного просвещения в докладе царю Николаю I «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения». Идеи Уварова были своеобразной попыткой идеологического обоснования правительственного курса Николая I начала 1830-х гг. после восстания декабристов 1825 г.

туал¹, который по мысли самой власти должен был свидетельствовать об ее открытости, а народ в этом формате стал коллективным образом самого себя, превратившись в специально отобранных статистов, ожидающих очереди задать вопросы.

Формат все эти годы не менялся, увеличивалась длительность общения президента с народом — с двух часов в самом начале почти до четырех в конце — и степень экранной свободы самого главного героя — Владимира Путина. К концу президентства Путина слова в выверенном зрелище были уже не важны. Важны чувства. Президент — мудрый пастырь и добрый отец, народ — почтительный и благодарный ребенок. Или. Президент — демонстрирующий уверенность и силу мужчина, а народ (у Бердяева — Россия) — ждущая ласки женщина, которая все время ищет себе мужа.

Ежегодно, в объявленный день в полдень Первый канал и канал «Россия 1» (а после своего появления и круглосуточный информационный «Россия 24»), государственные радиостанции «Маяк», «Радио России» прерывали свои передачи, прекращали транслировать рекламу и включали студию в Кремле. Передвижные станции и телекамеры работали в семи часовых поясах, многоканальный телефон бесплатно связывал Москву со всей страной, сотни операторов специального операционного центра, смонтированного в «Останкино», за несколько дней до «линии» принимали звонки российских граждан — от 2,5 млн во время шестой по счету линии. Через пару лет после первой линии к этой технологической мощи добавили еще и возможность послать SMS и вопросы онлайн по Интернету.

Все неожиданны в этом прямом эфире исключены, только в первый раз камеры зафиксировали попытку прорваться к микрофону, а на третий год — пару сорвавшихся звонков, ожививших эфир. На экране ни одного существенного сбоя, идеальный сигнал, объемная картинка. Правда, иногда красиво подсвеченные сумерки в сибирской деревне не помогали поверить в то, что деревенская улица может оставаться такой пустынной, когда телевидение приехало.

Для уникального с точки зрения телевидения проекта работают сотни человек — приблизительно по 60 на каждой точке включения — режиссеры, операторы, администраторы,

корреспонденты, а еще — операторы связи и дополнительно — милиционеры, пожарные и врачи. За несколько дней до передачи во всех городах и селах (не меньше 10 во время каждой линии), откуда планировались «прямые включения», разворачивали передвижные телевизионные станции, проводились технические тракты — т.е. репетиции, когда отрабатывается качество включения и его хронометраж, а также быстрое и правильное задавание вопросов. Площадка, откуда город «включается», охранялась милицией и ОМОНОм.

На экране всегда заметно, как люди читают или вспоминают заранее подготовленные вопросы. На жизнь граждане жалуются в меру (проблемы с пенсиями, пособиями, жильем, тарифами ЖКХ и пр.). Неприятных вопросов главе государства почти не задают, перед камерами ведут себя прилично. Даже стеснительно. Многие волнуются. Чаще просят от имени всех — от бюджетников, от пенсионеров, от инвалидов, от пострадавших во время аварии, от матерей-одиночек. Каждый четвертый вопрос — личный (в основном тоже связан с социальными проблемами). В Интернете личных вопросов в 5–6 раз меньше — больше общественных. Никто из 50–60 человек, задававших вопросы на каждой из линий, практически ничего не уточнял и не спрашивал.

Через пару лет Владимир Путин освоился в этом телевизионном формате окончательно. К третьей по счету линии президент, как опытный правитель, понял, в каком месте следует сделать вид, что смутился, в каком — улыбнуться (когда речь заходит о щенках); он, конечно, готов был к экспромтам (однажды пытался выбрать себе собеседника, иногда что-то переспросить), но люди в кадре, независимо от возраста, становятся деревянными и смущенными.

С экрана на себя самого смотрел терпеливый, робеющий, почтительный народ. В допетровской Руси тоже существовала традиция связи царя с народом, когда можно было миновать боярскую думу, кремлевскую челядь и проч. Раз в год из-за кремлевской стены на крепкой пеньковой веревке вниз, к народу, спускался деревянный ящик для челобитных. В век информационных технологий этот ящик успешно заменил телевидением, а прямые линии стали дополнительной возможностью замера общественных настроений.

Сложившийся в России при Путине режим коренным образом отличается от предыдущих — царского и коммунистического — именно тем,

¹ Первая линия вышла в эфир — 18.12.2001, вторая — 19.12.2002, третья — 18.12.2003, четвертая — 27.09.2005, пятая — 25.10.2006, шестая — 18.10.2007.

что он в гораздо большей степени соответствует политическому идеалу и политической культуре большинства россиян. Режим Путина менее идеологичен. В том числе потому, что идеологии, по сути, нет. Но, в отличие от убежденных противников монархии и «большевиков», принципиально иной идеологии сегодня нет даже среди оппозиционных групп¹.

Известные российские мыслители Иван Ильин и Александр Солженицын, которых совершенно не случайно власти популяризировали в минувшее десятилетие, десятки лет назад предупреждали, что выход из тоталитаризма, убивающего всякую инициативу, возможен только через авторитаризм, дающий некоторые ограниченные свободы².

Тем любопытнее, как имитируется «империя без монархии», тиражируется «советский» миф о патерналистском и социальном государстве и на их основе — с помощью архетипических ритуалов и обрядов, благодаря устойчивым стереотипам, которые телевидение приспособливает для новой реальности, — возникают надыдеологические конструкции «суверенной демократии» и «консервативной модернизации».

В этом случае мы имеем дело с «вечными мифами», сила которых в том, что они способны возвращаться в другом обличье. Развитие «вечных мифов», связанных с архетипами, может быть не бурным, но они устойчивы и их жизнь продолжительна, воздействие на аудиторию значительно сильнее, потому что их цель не персональное восприятие, они направлены на другую, «более глубокий слой»³ психики — коллективное бессознательное.

Путин и Медведев — перекодировка информационного поля. К концу «нулевых» в электоральные группы активных избирателей вливается поколение, которое уже, по сути, не знает, что такое СССР и советское телевидение. Оно, с одной стороны, живет в пространстве советского мифа, а с другой — в новой реальности рекламы, шоу и инфотеймента. С одной стороны, преемник Путина должен был осуществить внешнюю преемственность символической бюрократической власти, с другой — соответствовать изменившемуся информационному и культурному фону.

¹ Lukin A. The political ideal and political regim in post-Soviet Russia // Rro et Contra. 2008. № 4 (42). Июль–август. Р. 102.

² Например, см.: Ильин И.А. О грядущей России: Избранные статьи. М., 1993.

³ Джонсон Р. Сновидения и фантазии. Анализ и использование // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Johnson

В эфир при Путине вернулись практически исчезнувшие в 90-е протокольные съемки встреч главы государства с министрами, губернаторами и прочими должностными лицами. Стало традицией, как и в советские времена, открывать выпуски государственных новостей информацией о том, с кем, где и по какому поводу встретился президент. Иногда хронометраж отчетов «с паркета» занимал до трети выпуска, а репортажи о какой-нибудь очередной выволочке (когда Путин отпускает свои хамоватые, а иногда и просто оскорбительные слова и фразы) могли длиться до 6–8 минут.

Абсолютно табуированная тема для телевидения — частная жизнь Путина. Его домашние. Первую леди — Людмилу Путину — технологи и телевизионщики так и не смогли приспособить к экрану, дочери мелькнули однажды — на лыжном склоне. В общем, тот образ верховного одиночки, бойца, «хищника» (именно с таким животным обычно сравнивают Путина студенты гуманитарных вузов, среди которых проводят опросы исследователи массовых коммуникаций), который почти 10 лет культивировал на экране Путин, не требовал домашних красок и сцен чаепития в кругу семьи.

Перед новым политическим циклом, в 2007 г., образ властителя попытались вписать в гламурные декорации изменившейся информационной реальности, тяготеющей к развлекательности. На экране и в популярных изданиях появился полуобнаженный Владимир Владимирович. Мужественно-гламурное фото полураздетого президента в очках, с крестиком на шее, с ножом на боку, с удочкой — почти фаллическим символом — наперевес годится для тату и для перенесения на футболки и болванки матрешек. Но такого обновленного Путина так и не решились сделать массовым — фото активно обсуждали в Интернете и разместили на прокремлевских молодежных сайтах. Но совместить эротику с патриотизмом не получилось. Видимо, стал очевидным эстетический диссонанс разных культурных кодов: «супермен» — это другая система и мифов, и стереотипов, поэтому в «торсе и мышцах» Путина замаячила некоторая комичность и снижение его сакрального образа.

В апреле 2008 г., уже после избрания президентом Медведева, в эфир национальных каналов, безусловно, не просочилось эхо международного резонанса, связанного со скандальной публикацией «Московского корреспондента» (газета была закрыта), в которой Владимира Путина «поженили» с гимнасткой Алиной Ка-

баевой. Владимир Путин уже давно не отвечает на вопросы о Чечне, зато в Италии, где он находился с официальным визитом, ему пришлось опровергать слухи о своей личной жизни. Но «желтый» скандал любопытен не сам по себе. Мужская ветреность в истеблишменте всего мира уже не порок. Он любопытен опять же в смысле новых представлений о политической элите в России и ее экранных образах. Человеческие слабости и глянцево-подробности личной жизни западных лидеров противоречат вполне устоявшемуся и в целом архаичному образу властителя и собирателя великой российской державы. Пока Путин оставался президентом, никакого смягчения образа невозможно было представить.

После прихода в Кремль Медведева экранный образ Путина лишился некоторой агрессивности. Как премьер, он стал по долгу службы больше бывать в регионах, встречаться с людьми, в том числе и после трагедий и катастроф. Удивившая многих на Западе реакция Путина на гибель президента Польши, его проявленное перед камерами человеческое участие к премьеру Туску — не только естественное сострадание, но и признак постепенной эволюции манеры и образа в сторону большей доверительности, которая свойственна не политическому лидеру, не главе государства, а «отцу нации». Наконец, и сам премьер, и его команда, видимо, понимают, что как медийный игрок Путин в ситуации тандема более опытен. Он всегда может выдвинуться на первый план или чуть отойти в тень, если понадобится. Возможно, в этом кроется одна из причин, почему Путин (особенно после того, как стал премьером) все-таки играет в двух регистрах — он и руководитель, и личность, и он не устает показывать, что он личность. Медведев же чаще — функция, из-за неумения выстраивать разное медийное поведение Медведев везде воспринимается одинаково.

2008. Очевидно, что при всей необходимости перекодировки информационного поля, ключевые «формулы» успеха Путина учитываются в последующих «политических» кампаниях и с его участием, и с участием преемника. На экране всякий раз будет возникать набор из формульных персонажей политической сцены: герой, антигерой/антигерои, соратники, народ. Причем если с «социальными масками»¹ героя

¹ Под «социальной маской» в статье понимается тип экранного персонажа, который своими взглядами и поведением претендует на выражение общественного мнения, мировоззрения и социально-психологических установок определенной части аудитории.

и его соратников никакой особенной трансформации за следующие восемь лет не произойдет, то «маски» антигероев будут размываться, приобретать черты абстрактного «зла» — о персоналиях антигероев можно догадываться по контексту. В прошлом — это «лихие 90-е». В сфере внешней политики — «цветные революции», «Запад», «шпионы». В сфере внутренней политики — «предатели», «проходимцы».

При отсутствии четкой дихотомии и в ситуации угадывания политических «кодов» довольно трудно говорить о законченной формульности. Но в главных телевизионных ритуалах, придуманных при Путине и для Путина, именно этот элемент, присущий формульной литературе, создает ощущение порядка, устраняет неопределенность, работает с традиционными стереотипами и подчеркивает ориентацию на отвлечение за счет зрелищности.

Образ лидера. Он сильный и властный, но при этом «свой парень», понятный большинству. «Дворовый пацан» из послевоенных дворов. Этот парень всегда «за наших» и «своих» не сдает, он готов дать сдачи тем, кто «чужой». Из дворового защитника этот образ постепенно трансформируется в образ «державника», вернувшего советский гимн и велевшего стране «подниматься с колен» (второй срок). В этот момент Путин конвертирует свой рейтинг в статус. Следующий этап (в период передачи власти и перемещения на пост премьера) — превращение образа «правителя» в «верховного арбитра», «национального лидера», независимо от должности. Пробы премьера в «недержавном публичном регистре» — путешественник, водитель, защитник животных, участник научной экспедиции, байкер, колумнист, любитель музыки и проч. — это, с одной стороны, констатация внутреннего желания успеть получить новые ощущения. Об адреналине Путин, кстати, заявляет сам в колонке для модного журнала «Русский пионер»², который редактирует летописец его десятилетия Андрей Колесников. С другой — это подтверждение того, что премьер с большим или меньшим успехом способен освоиться с разными публичными ролями, которые могут пригодиться при выборе стратегии следующего политического цикла.

У Дмитрия Медведева этапы «наращивания» образа вроде бы похожи: социальный вице-премьер, ученик (лексика университетского доцента) — преемник — президент в тандеме, с которым связано эмоциональное ожи-

² См.: «Русский пионер». 2010. № 17.

дание перемен. Ключевые понятия, на речевом уровне связанные с Медведевым, — «оттепель», «свобода», «модернизация», «перезагрузка» — отвлеченные, почти акварельные. Образность не выражена, признаков действия за этими словами не возникает. Эти слова и связанные с ними ассоциации никак не дают «младшему» партнеру выйти из тени «старшего». Попытки переключиться в жесткий регистр Путина (жесткие заявления и воинственный облик весной 2011 г.) не добавляют новых красок образу третьего президента и опять выглядят «калькой».

Противники. Противники курса Путина (и внутренние, и внешние) отрабатываются в информационном поле тоже по стандартной схеме. Как правило, сначала шельмуются, к ним приклеивают пропагандистские ярлыки, в результате их нейтрализуют информационной блокадой¹. Во всяком случае — из эфира национальных каналов либеральная оппозиция исчезает сразу же после своего поражения на выборах 2003 г. В этот период из эфира обновленного НТВ уже удалены все остатки бывшего «свободомыслия», к 2004 г. были закрыты последние программы, напоминавшие о прежнем НТВ 90-х гг., — «Свобода слова», «Намедни», сатирическая «Тушите свет».

«Источник силы мифа заключается еще и в том, что психологи назвали бы “амбивалентностью”. Он потворствует двум противоположным тенденциям сознания: тенденции к очернительству и тенденции к приукрашиванию»². Реальный человек или проблема, попадая в поле действия мифа, упрощается до абстрактных понятий: свой — чужой, Восток — Запад, добро — зло.

Сторонники Путина, как правило, действующие чиновники: министр МЧС во время всех кампаний минувшего десятилетия — персонаж неизменный (на это время телевидение вспоминает, что он еще и партийный функционер). Ни один из петербургских «силовиков», которые к середине «нулевых» меняют почти всех ельцин-

ских выдвиженцев на всех ключевых политических постах, не может сравниться с умением экранных героев 90-х существовать в публичном пространстве. В кампании 2003–2004 гг. бывший оппонент Лужков яростно агитирует за «Единую Россию» и Путина.

С середины второго срока Путина в главных политических программах 2006–2007 гг. («Вести недели», «Время») опять привычный набор из материалов об активности новых назначенцев — С. Иванова (министр обороны, вице-премьер), Д. Медведева (вице-премьер, курирующий «национальные проекты» в социальной сфере). Медведева отправили в школы и регионы, Иванова — заботиться о жилье для офицеров. Иногда на авансцене мелькают персонажи, которых тоже пробуют на роль: бывший губернатор Собянин, технический премьер Зубков. Но все они исчезают из информационного поля практически навсегда, как только в них пропадает нужда. Эта же участь ждет и очень активного вице-премьера Иванова, как только выбор будет сделан не в его пользу.

13 июня 2006 г. самого вице-премьера Дмитрия Медведева, который уже год курирует «национальные проекты», пробуют в новом жанре видеоконференции. Владимир Путин рядом. Из развернутых фрагментов трансляции, которые похожи на отчеты и рапорты (в новостях — до 10 минут!), становится ясно: для того чтобы обсудить реализацию национальных проектов, совершенно не обязательно разгонять министров правительства по городам, селекторное совещание можно было провести и в Москве. Это означает, что суть обсуждения была не так уж и важна. Важнее было зрелище. Т.е. это еще не прямая линия со страной, еще не ежегодное общение с журналистами — это возможная обкатка формата с использованием новых технологий. Под присмотром опытного, но доброжелательного учителя, который, как профессиональный модератор, вовремя одергивает слишком говорливого министра или в нужный момент обращается к аудитории с вопросом, с достоинством выслушивает очередную благодарность в свой адрес и держит паузу, когда в разговор должен вступить лучший ученик. Дмитрий Медведев с экзаменом справился.

Парный выход учителя и ученика к ликующей толпе поклонников в выборную ночь 2008 г. был их звездным триумфом. Шоу «Две звезды», запущенное на Первом канале как раз в год выборов, когда еще страна гадала на преемника, словно поддерживало новый политический контекст. Экранный образ Дмитрия

¹ 2004–2006 гг. сопровождаются специальными телевизионными проектами (специальным образом смонтированные, часто сфабрикованные по картинке, с передергиванием фактов) — «шпионскими скандалами», в которых якобы фигурируют правозащитники или «симпатизирующие» «оранжевым» на Украине и участникам «революции роз» в Грузии. «Свои — чужие», «наши — не наши», «враги — друзья», «предатели — патриоты». Таковы отчетливые, фиксируемые и насаждаемые гостелевидением идеологические формулы «эпохи Путина».

² Льюис К. Похороны великого мифа // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Lewis/Poh_VM.php

Медведева весь февраль 2008 г. лепили по счастливому лекалу Владимира Путина: Медведев и очки, Медведев и лыжи, Медведев и фанатки, Медведев и стадион, Медведев и сторонники, Медведев и военные, Медведев и патриарх, Медведев и экономический форум, Медведев и КВН, Медведев и родильные дома.

Экранного Медведева одновременно старались сделать и созидательным, и заматеревшим. Брутальная лексика «двора» ученику, в отличие от учителя, несвойственна. Поэтому прорывавшееся смущение (особенно в улыбке) ретушировали. Пастельных красок оставили минимум (мелькнул вальс с почтенной дамой). Победную энергию движения Владимир Путин зримо передавал своему наследнику. Все время подстраховывал, вводил в курс, представлял соседям, устраивал смотрины. Но переменчивая народная любовь все-таки окончательно к Медведеву не переметнулась. Владимир Путин на прощание напомнил о себе почти пятичасовой пресс-конференцией, продемонстрировал такую публичную форму, до которой преемник так и не дорастет.

В апреле 2008-го, когда проходил съезд «Единой России», на котором выступали уже президент Медведев и премьер Путин, в его освещении появились любопытные акценты — каналы определялись, кто в тандеме главный. Сначала разделились новости. Не в смысле оценки происходившего, а в порядке представления героев политической сцены. На НТВ начинали отчет о съезде с Медведева, на «России» — с Путина. На Первом — «плюралистично»: с общего прохода обоих, а потом синхрон Медведева. Программа «Время» заострила внимание на молодых лицах бизнесменов. Именно они и еще с десяток мелькнувших на форуме лиц непрокремлевских интеллектуалов и беспартийных эффектно оттеняли единство партийного съезда. Если же внимательно посмотреть на публику в большом президиуме, на фоне которой выступали и Медведев, и Путин, то становилось очевидным — над картинкой подумали: в рядах чередовались офицеры в форме, хорошенькие женщины, в основном блондинки, мужчины в дорогих костюмах. Всем им, кстати, было не больше сорока. Глеб Павловский в обширном материале воскресного «Времени» настаивал на том, что «Единая Россия» должна стать фабрикой по производству новой элиты, а политическую однокнопочность следует отключить. Но это едва угадываемое разнообразие на экране не утвердилось. И два первых лица — два новых символа — так бесконечно и сменяют друг друга

в новостях и итоговых программах. Фабрика по производству новых политических звезд не заработала.

Даже поколенческую тему — а значит, и риторическую, и сценарную новизну политической драматургии — ни сам Медведев, ни окружение Путина, обеспечивающее победу преемнику, отработать так и не смогли. Телевизионный «код» в 2008 г. так и не сменился. Хотя прежние певцы режима на этом уже начали настаивать. «Медведев вступает в новое лидерство, он притаился... Многие надеялись на конфликт учителя и ученика». Эти туманные фразы — из последней программы Глеба Павловского «Реальная политика», которая 19 апреля 2008 г. после сотового выпуска на НТВ закончила свою эфирную жизнь и попрощалась со зрителями. Причем напоследок безголовый, но действующий президент Путин (был такой мультяшный персонаж в этом проекте) голову обрел и передал нечто сакральное вновь избранному президенту. В результате этой передачи мультяшный герой Медведева остался без головы. Суть репризы можно разгадывать и сегодня.

Образ «тандема» почти три года удерживался в системе координат: «учитель — ученик», «старший — младший». Этот патриархальный расклад поддерживали телевизионным уравниванием первых лиц в информационном поле (подсчет минут эфира, отводимого Медведеву и Путину, превратился не только в забаву для экспертов, но и стал предметом учета и анализа в статистике компании «Медиалогия»). Демонстрируемый и подчеркиваемый баланс «по минуток» помогал не создавать публичной конфронтации. «Разводка» участников тандема на работу с разными публиками — «либеральную» (Медведев) и «консервативную» (Путин) — поддерживала статус-кво тандема, но не решала проблему (в том числе и сценарную) следующего политического цикла. Не став полноценными партнерами, участники тандема никак не могут стать и полноценными противниками: «лидер-отец» находится в разных конкурентных (прежде всего, смысловых) полях с «гаджет-мальчиком».

У третьего президента России Дмитрия Медведева поиск «образа» занял почти весь его президентский срок. Ничего удивительного в этом нет. Образ «профессорского сына» и «университетского преподавателя», технократа, модернизатора, инноватора с трудом вписывается в традиционную для большинства россиян «картину мира». Молодой образованный мужчина из большого города, не чуждый европей-

скому стилю жизни, — это пока не очень понятный электоральному большинству (почти 80% россиян по-прежнему никогда не были за границей) страны тип и образ. Но тип «гаджет-мальчика» (фотография, Интернет, твиттер) — сколько бы по этому поводу ни иронизировали — обращен в новую коммуникационную реальность (сетевая культура и рождение нового типа интерактивной публичности). В 2012 г. образ «гаджет-мальчика» — не настоящий конкурент «лидеру-отцу», но этот образ может работать через поколение, он уже понятен тем, кому сегодня от 16 до 20.

Смех в телевизионной кодировке. Есть сила, которая совершает попытку разрушить мифы, окутавшие аудиторию. Или эта попытка оказывается неудачной, или на месте обломков старого появляется новый миф: эта сила — юмор. Он принимает разные формы: от эстрадного выступления до сатирической анимации. Кукольная и компьютерная анимация — одна из сильнейших форм сатиры на российском телевидении.

Масочное зрелище, когда под образом анимационного героя кроется реальный прототип, восходит к эстетике карнавала и комедии дель арте. Эта эстетика используется и в других телевизионных жанрах «не просто ради развлечения, а исходя из известного принципа синкретизма телевидения, имеющего в своей основе самые глубокие фольклорные и мифологические корни. Сочетание прямо обращенного к публике публицистического текста с образным, пародийным, масочным зрелищем дает большой эффект воздействия. Помогает и смех»¹. С расцветом или угасанием «кукольных» сатирических программ пересекаются и циклы политической «оттепели», и циклы телевизионных перемен.

Программа «Мульт личности» (Первый канал) появилась в России в 2009-м, а 1 января 2010 г. 3D-шные Путин и Медведев — новоявленные персонажи «Мульт личности» — исполнили комические куплеты, вызвав изумление иностранной прессы.

Это случилось сразу же после самого короткого в новейшей истории России новогоднего поздравления президента стране. Через 10 лет после знаменитых сатирических «Кукол» (НТВ) — символа изменившихся отношений власти и общества в 90-е. После безголового «первого лица» в «Реальной политике» Глеба Павловского в «нулевые». Тот безликий пер-

сонаж стал символом усиления власти, ее сакральности, избранности, как в архаических обществах, когда жрец был невидим. Не случайно, что кукольный тандем затанцевал после знакового и нового, с точки зрения формата, интервью президента троим телевизионным начальникам (руководители Первого, ВГТРК, НТВ), в котором раздвигались границы не столько возможных ответов, сколько границы возможных вопросов. Единодушное ожидание перемен, отчего-то связанное именно с этой программой, ощущалось за месяц до премьеры — коллеги из серьезных западных агентств и изданий просили прокомментировать ее появление в эфире. Коллег можно понять. Презентация власти в России — это всегда проблема. Слишком часто, за исключением, может быть, 90-х гг., публичное предъявление власти было лишь ее демонстративно декоративным фасадом.

Генеральный директор Первого Константин Эрнст объяснил автору этой статьи, что «если бы он не предполагал, что два первых лица появятся в “Мульт личности”, он бы программу не запускал». К появлению программы, очевидно, готовили и главных персонажей. Художникам наверняка не сразу удалось ухватить характерные ужимки реальных героев, чтобы ожившие карикатуры не были злыми и обидными: во времена НТВ «кукла» Путина поплатилась за «крошку Цахеса» из Гофмана.

Главное в этой мультистории — очевидная разрешенность происходящего. И видимо, неизбежная смена телевизионного кода. Неизбежность не столько политическая, сколько эстетическая.

Монументально-парадный цикл опять приправляется «низким» зрелищем — карнавальным дуракавалянием, микширующим тяжелую рутинность политической реальности. До настоящей сатиры еще далеко. Первый канал — не прежнее НТВ. К политическим куплетам нужно сегодня приучать и массы общественности, и реальных Путина с Медведевым. Тексты стишков скорее милые, чем смешные. Кстати, интонационно «мульт личности» Путина и Медведева родом скорее из 60-х, чем из 90-х.

Анимационному дуэту президента и премьера создатели его выдали гармошку и бубен. В новогоднюю ночь парочка подпрыгивала и приседала, подбадривая друг друга. Владимир Владимирович выделял коленца, в такт хлопывал бубном то по колену, то по ноге, то по собственному задку. Его пластику и манеру говорить рисовальщики уловили точнее, чем ми-

¹ Мясникова М.А. Фольклорно-мифологические основы телевидения // <http://proceedings.usu.ru>

мику и характер Дмитрия Анатольевича, образ которого выглядит плосковатым на фоне партнера. Мультмарионетки вполне могут сыграть в «рыжего» и «белого» клоунов, включиться в миниатюры с себе подобными. Рисованные Путин и Медведев могут друг друга подкалывать, мутузить и даже шарахнуть партнера по дуэту бубном по голове. Традиционная раешная забава обязана смешить, немного щекотать нервы пикантным политическим зубоскальством и морочить голову публике — пусть гадают до 2012-го, кто король, а кто шут.

Разрешенный юмор наметил смену «телевизионного кода», но очевидное желание перемен зафиксировал другой сатирический, но не кукольный, а актерский проект — цикл «Поэт и гражданин», недолго выходявший на канале «Дождь» (спутник и интернет-вещание) весной 2011-го.

Гул языка: официальная риторика Путина и Медведева. Э. Кассирер основным приемом мифа называет изменение функций языка. Не менее важны и два других приема — конструирование обрядов и — пророчествование¹. Если говорить о ритуализации через телевизионные зрелища и специальных форматах для главных лиц политического театра, то для российской политической сцены чрезвычайно показательными и эффективными оказываются как раз конструирование/режиссура обрядов и изменение функций языка. Сниженная лексика — «сопли жевать», «мухи отдельно, котлеты отдельно» — становится лексикой правящего слоя, впервые вводя в легитимный публичный оборот телевизионной нормы язык двора и даже зоны.

Выражения Медведева не дотягивают до политических острот Путина². По данным компании «Медialogия», подготовленным по заказу «Независимой газеты», за два года президентства Медведева его афоризмы прозвучали в прессе более 400 раз³. Правда, изобретенные Медведевым фразы по стилю все же несколько отличаются от путинских. Они, в отличие от словечек его предшественника, не носят столь открытого жаргонного характера. Иногда они перекликаются. Отвечая на вопрос о преследовании террористов, Путин заявил в 1999-м:

«Мы будем преследовать террористов всюду. Если в туалете поймал, то и в сортире их замочим». Медведевская версия этого крылатого выражения: «Действовать по всей поляне». На встрече с руководителем ФСБ 8 января 2010-го, рассуждая о том, какая должна быть политика на Северном Кавказе, он заявил: «Нужно методично действовать по всей поляне, если где-то появился след, значит, нужно искать их и уничтожать».

Однажды на заседании комиссии по модернизации глава государства осадил руководителя госкорпорации «Ростехнологии» Сергея Чемезова, попытавшегося возразить президенту: «У меня не реплики, а приговор. Реплики у вас, а все, что я говорю, — в граните отливается». В свое время Путин подобным образом призвал к порядку нового министра образования и науки Андрея Фурсенко: «Сюда нужно смотреть и слушать, что я говорю».

По поводу отношения к бизнесу лидеры страны в своих крылатых выражениях несколько разошлись. «Перестаньте кошмарить бизнес», — потребовал Медведев летом 2008 г. на совещании по развитию малого и среднего бизнеса в Смоленской области. Путин в свое время относился к бизнесменам менее бережно: «Вор должен сидеть в тюрьме» (публичное отношения первых лиц к «делу ЮКОСа» вообще требуют отдельного разговора).

В оценке своего мироощущения на высших постах в государстве Путин и Медведев, судя по всему, не слишком далеки друг от друга, хотя интонационно и тексты Путина выразительнее из-за ироничной, даже чуть глумливой манеры. Так, в 2007 г. на большой пресс-конференции Путин заявил, что он «абсолютный и чистый демократ». «Но вы знаете, в чем беда? Даже не беда, трагедия настоящая, — интриговал публику глава государства, — в том, что я такой один. Других таких в мире просто нет. Посмотрим, что творится в Северной Америке. Ужас один. пытки. Бездомные. Гуантанамо. Содержание под стражей без суда и следствия. Посмотрите, что происходит в Европе. Жестокое обращение с демонстрантами, применение резиновых пуль, слезоточивого газа. То в одной столице, то в другой убийство демонстрантов на улице. Я про постсоветское пространство вообще уже не говорю». «После смерти Махатмы Ганди поговорить не с кем», — посетовал Путин. Медведев, рассказывая о своих ощущениях на президентском посту, заметил: «Вы знаете, скажу так. У меня нет ощущения, что я превратился в человека, который подсел на публичность, как

¹ Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 42.

² В граните отлитые // Независимая газета. 2010. 10 марта.

³ Использован обзор СМИ с 1 января 2000 г. по 9 марта 2010 г. Данные подготовлены на базе информационно-аналитической системы «Медialogия» специально для «Независимой газеты».

на наркотик. Есть же такой тип политиков, которых принято называть *political animal* (“политическое животное”). В себе я пока этого явно не почувствовал. Хотя я и Медведев, но в этом смысле животным я пока не стал. Это точно».

Необходимость устойчивости политической системы Путин и Медведев оценили по-разному. Медведев в своем первом Послании Федеральному собранию пришел к выводу, что в России слишком сильный госаппарат: «Государственный аппарат у нас — это и самый большой работодатель, самый активный издатель, самый лучший продюсер, сам себе суд, сам себе партия и сам себе в конечном счете народ». Путин, напротив, на заседании последнего Госсовета попытался оградить от нападков политсистему, созданную им за последние 10 лет: «Политическая система не должна дрожать, как жидкий студень, при каждом к ней прикосновении».

Самым дерзким высказыванием Путина до сих пор считается его ответ на вопрос журналиста на пресс-конференции в Брюсселе в 2002 г. о войне в Чечне: «Если вы хотите совсем уж стать исламским радикалом и пойти на то, чтобы сделать себе обрезание, то я вас приглашаю в Москву. У нас многоконфессиональная страна, у нас есть специалисты и по этому “вопросу”, и я рекомендую сделать эту операцию таким образом, чтобы у вас уже больше ничего не выросло».

Из недавних высказываний первых лиц складывается впечатление, что они несколько по-разному оценивают использование силовых методов. Отвечая на вопрос жителя Пикалева о том, почему никто не понес уголовной ответственности за остановку предприятий в этом моногороде, Путин, немного смутившись, заметил, что вина не уголовная, а хозяйственная и нужно не арестовывать, а заставлять работать, решать проблемы, наладить производственный процесс. При этом он изрек афоризм, способный составить конкуренцию цитатам бывшего премьера Виктора Черномырдина: «Если всех пересажаем, кто работать будет?». А вот Медведев, говоря о борьбе с коррупцией, был неприимирим. Он заявил: «Одними посадками проблему не решить, но сажать надо». Самой большой популярностью пользовались фирменные фразы Путина, произнесенные им в последний год своего президентства. В начале 2008 г. на большой пресс-конференции Путин отпустил ряд искрометных заявлений по поводу внешней политики. Он, в частности, посоветовал Западу не учить Россию демократии: «Пусть жену свою

учат щи варить!» Осенью этого же года, уже будучи премьером, он объяснил, как должны работать министры: «Каждый должен мотыжить, как святой Франциск, свой участок, бум-бум, ежедневно».

Очевиднее становится разница в позициях, если оценивать концептуальные высказывания — например, исторические оценки обоими лидерами советского прошлого. В мае 2010 г. Медведев дал интервью «Известиям» и сказал, что «Сталину нет прощения, СССР и после войны был тоталитарным, диктаторским, экономически неэффективным государством». Оценка отличается от путинской. В период своей второй избирательной кампании второй президент России назвал распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века». В декабре 2009 г. в ходе телевизионного общения с народом премьер Путин говорил о Сталине несколько минут, сам выбрав вопрос. Предложив разделять сталинскую эпоху на «позитив» и «негатив» и анализировать их в совокупности, премьер не скупился на разного рода «но». «Индустриализация действительно состоялась», — говорил о народном хозяйстве Путин, признав, что, «правда, крестьянства не осталось, и мы все прекрасно помним проблемы, особенно в завершающий период, с сельским хозяйством». С меньшей двойственностью премьер говорил о войне: «Даже если мы будем возвращаться к потерям, вы знаете, никто не может сейчас бросить камень в тех, кто организовывал и стоял во главе этой Победы, потому что, если бы мы проиграли эту войну, последствия для нашей страны были бы гораздо более катастрофическими». При этом Путин обмолвился, что «весь тот позитив, который, безусловно, был, тем не менее достигнут неприемлемой ценой. Репрессии тем не менее имели место быть. Это факт. От них пострадали миллионы наших сограждан».

Вообще «миф о Сталине», очевидно, рассматривался идеологами «суверенной демократии» как одна из возможностей освежить и приспособить «советский миф» о великом вожде к нуждам новой эпохи: «эффективный менеджмент», поднимающий страну с колен, ради великих целей может пренебречь свободами и людьми, а народ ради этого может примириться с некоторыми трудностями. Программы, фильмы, проект «Имя России» (аналог «Великих британцев») продемонстрировали, что консенсуса по одному из самых трагических и кровавых эпизодов советской истории в обществе нет, более того, сторонников не путинского «порядка», а «сталинского» еще так много, что

предавать окончательной анафеме вождя еще не решились.

Но, с другой стороны, уже невозможно было игнорировать и иные общественные настроения, однозначно маркирующие «эпоху Сталина» как тоталитарную. Поэтому разница в подходах Медведева и Путина к сталинской эпохе есть, но это вряд ли это борьба идей и оценок (к принципиальной политической оценке Сталина ни власть, ни общество не готовы). Скорее всего, это именно разница «стилистическая», связанная с работой на разные аудитории и общественные запросы. Путин работает на более возрастную, массовую, менее образованную и относительно консервативную часть общества (аудитория национальных госканалов). Медведев — на более молодую, образованную, взыскательную.

Шоу продолжается. Праздник Победы 2010 г. стал бенефисом Дмитрия Медведева. Так много на экране его не было еще никогда. Владимир Путин на этот раз ушел в тень. Президент не стеснялся улыбаться, как мальчишка рассматривал самолеты и с детским восторгом наблюдал за феерическим салютом, который по-настоящему выигрышно смотрелся только по телевизору. Появился даже новый формат — президент с супругой на фоне салюта. Эта картинка не раздражала. Реакции президента были эмоционально понятны, Медведев был в плотном кольце людей, в основном ветеранов войны. На экране был уже не путинский клон.

Медведев вроде бы начал играть в разных медийных регистрах, стал выходить за рамки реального персонажа и подрастать для экранного образа и, возможно, подготовки к 2012 г. Медведев уже неплохо чувствует себя в любимых путинских жанрах — он умеет отчитывать под телекамеры «своих бояр», но и способен к проявлению живых реакций — сложить дом из «Лего» вместе со школьниками. Арсенал приемов российско-советских правителей для обработки массового сознания, в сущности, меняется слабо. Большинство жаждет не новизны, а лишь подтверждения известных ему стереотипов. В этом смысле и возвращение Путина в 2012-м, в чуть обновленном образе, например «просвещенного реформатора и более человеческого человека» (такие цари в России и генсеки в СССР тоже были), может рассматриваться как возможный сценарий.

Медведев, похоже, в мае 2010-го попытался сделать свой внутренний выбор. В его словах и поступках начала мая стала сквозить не только

политическая целесообразность, но и личное отношение к происходящему. Не случайно президент именно накануне праздника Победы позволил себе резко высказаться о сталинизме, нарушая привычный ритуал и не боясь раздражить ветеранов. Он разрушил еще один канон — бережно ограждать великие победы от любого негатива. В день победных торжеств произошел взрыв на шахте в Кузбассе. И хотя ТВ традицию сохранило, стараясь не упоминать о трагедии на шахте «Распадская», Медведев лично занялся этой ситуацией прямо 9 Мая (как и взрывами в московском метро, а еще ранее — пожаром в ночном клубе в Перми, тем самым отменяя путинскую традицию выжидать и публично не реагировать сразу). Разумеется, от ритуалов никуда не денешься. Подняться на сцену во время концерта на Красной площади, пройти по подиуму, произнести духоподъемные слова — от подобных эффектных приемов президенту пока трудно отказаться. Но он уже позволяет себе замахиваться на святое, т.е. слегка подкалывать премьера. Свою любимую игрушку — Сколково — он в прямом эфире противопоставляет любимой игрушке Путина: это вам не подготовка к Олимпиаде-2014 — все нужно сделать быстро и твердо. Этот едва угадываемый зазор в словах и интонациях участников тандема год будет усиливаться, дойдя к весне 2011 г. к почти публичной конфронтации и даже до изменения равновесия в эфире: Медведев по количеству времени в новостях стал обгонять своего партнера, а в марте 2011-го в связи с событиями в Ливии высказывания Путина про «крестовые походы» были впервые изъяты из вечерних репортажей основных выпусков федеральных каналов.

Глеб Павловский, который в метафорической форме на протяжении 10 лет объявлял о смене политических кодов, весной 2010 г. пишет о возможной заявке на будущую власть: «Модернизация заявлена как приоритет, пришедший на смену приснопамятной “вертикали” власти»¹. Модернизационный манифест — статья Медведева с символическим названием «Россия, вперед!»², опубликованная в Интернете осенью 2009 г. Подчеркнем, что данные рейтинга самого Путина на втором году его перво-

¹ Павловский Г. А поговорить? // Слон.ру, 7.05.2010 режим доступа // www.slons.ru/blogs/pavlovsky/post/370193/

² У лозунга статьи может быть две трактовки: Россия ушла назад и нужно, чтобы она модернизировалась, или Россия стоит на месте и ее движение нужно подстегнуть, указав путь. Всплывают вечные российские метафоры — дорога, тройка коней, оглобли, кнут ямщика. Как у Голая в «Мервых душах»: «Русь, куда мчишься ты... Не дает ответа».

го президентства (весной 2002 г.) были сильно ниже медведевских. При этом майский опрос (2010 г.) Левада-Центра показывает: 66% россиян уверены, что Медведев действует под контролем Путина и его окружения, причем 39% граждан полагают, что после выборов 2012 г. на пост президента страны вернется Владимир Путин (весной 2011 г. рейтинги обоих упали до исторического минимума).

Павловский продолжает: «Нам нужна открытость. Как только что сказал сам президент: нужна “не гласность, а свобода слова”¹. Неприятно будет, конечно, выслушивать дерзости с телеэкрана, но без этого неприятностей станет еще больше. Вот свежий пример. Подлая имитация гласности, на наших глазах устроенная московской мэрией вокруг генплана Москвы, завершилась негласным принятием того самого, палаческого для столицы документа. Вот пример, как аппарат надувает и граждан, и президента-модернизатора. Терпеть такое свинство дальше невозможно, какие уж тут будут инновации? Если Медведев всерьез хочет инновационного будущего, без открытого конфликта с этой разбойной братией, со всеми вытекающими последствиями, никак не обойтись... Приоритеты “вертикали власти” и “стабильности” сработали: страна стабильна, политический класс консолидирован. Недавние теракты в Москве не истеризовали, не пошатнули страну. Теперь надо дать ход новым людям, которые хотят работать и разговаривать человеческим языком, по-русски. На рабочем месте и в прямом эфире».

Для нас этот комментарий интересен прежде всего тем, что даже в нем уже есть намек на ближайшее шоу, в котором могут поучаствовать уже «новые лица», но и, как и 11 лет назад, главным антигероем мог бы выступить мэр Москвы Лужков. Теперь уже не выступит (отставка в 2010-го не сделает его экранным «антигером» 2012-го), правда, и «новые лица» так и не появились. Это означает, что выборы 2012, видимо, вновь должны развиваться по законам привычного телевизионного шоу. Но для того, чтобы шоу хорошо смотрелось, опять нужно будет поддерживать иллюзию развития политического процесса. Политическому актору в этом политическом шоу будет важно вновь обеспечить только аншлаг публики и элементы напряженного действия (с этим очевидная проблема), хотя складывается впечатление, что от-

работанная схема спектакля в новом политическом цикле может и не сработать.

Пожарный рубеж. Очевидный рубеж в образах тандема окончательно обозначился после летних пожаров 2010 г. С точки зрения телевидения это была первая и последняя попытка наглядно продемонстрировать их эффективное партнерское взаимодействие. Видимо, кому-то в верхах «за кадром» показалось недостаточным, что президент и премьер озабочены драматическими событиями в новостях по очереди, причем один преимущественно в действии, а другой — все больше за столом с компьютером. И, судя по всему, их производственный союз (президент — на трубке, премьер — на пожаре) решили синхронизировать на экране. И вот президент и премьер, как два самостоятельных актера, 9 минут в эфире главного канала страны разыгрывали постановку на тему «Сплоченный тандем все держит под контролем».

В кадре резиденция президента. Дмитрий Медведев за столом на фоне российского триколора. Держит телефонную трубку верховной связи. Говорит: «Да, Владимир Владимирович. Привет, еще раз. Да, ну что, как дела там?» Владимир Путин, как всегда, в идеально подходящей к цвету глаз голубой рубашке, на фоне берез в Нижегородской области. В руках какой-то специальный спутниковый телефон. Отвечает: «Ситуация тяжелая...»² Переключения из кабинета под Москвой в березовую рощу под Нижним и обратно только усиливали комический эффект, несмотря на весь трагизм и чрезвычайность ситуации. Медведев хмурил бровки, теребил пальцами край стола. Путин чуть переминался с ноги на ногу, рука с телефоном на отлете, словно честь отдает. Держал паузу, дожидаясь реплики Медведева. Финал должен был умиротворять. В кадре Дмитрий Медведев по-прежнему с трубкой на фоне триколора: «Договорились. Ладно, тогда будем на связи, Владимир Владимирович, и успехов тогда. До связи. Счастливо». Владимир Путин: «Договорились, Дмитрий Анатольевич».

До осени 2010 г. и тот и другой делали вид, что остаются потенциальными участниками выборов. В публичном поле они действовали максимально синхронно. После пожаров привычная экранная связь тандема стала синхронно-конкурентной. Автомобильными пробегами, по сути, был дан старт новому этапу в сценарии экранной «танDEMократии» — конкуренции событий с участием первых лиц

¹ Одно из самых цитируемых выражений Медведева: «Свобода лучше, чем несвобода».

² Репортаж программы «Время», 30 июля 2010. Электрон. доступ // <http://www.1tv.ru/news/social/158583>

в установлении «повестки дня» (о реальной конкуренции команд или разногласиях между самими первыми лицами эксперты по-прежнему гадают).

Премьер провел автопробег на «Ладе Калине» по Дальнему Востоку — президент ответил автопробегом по России и Украине на автомобиле «Победа». Путин пообщался с народом в ходе прямой линии — Медведев дал интервью главам трех федеральных телеканалов. Президент провел заседание комиссии по модернизации — премьер собрал такую же комиссию на правительственном уровне. Эта визуальная конкуренция не казалась смысловым противостоянием. Более того, экран иногда картинно демонстрировал тандемное единство. В начале октября 2010-го, после отставки Лужкова, в момент обсуждения кандидатуры нового мэра Москвы и разговоров в экспертной среде о разном отношении Путина и Медведева к скандалу с «политически тяжеловесом» прошлых эпох, стране продемонстрировали ритуальное закусывание двух первых лиц хлебом и молоком: в голубой гостиной, с голубым фарфором, молоком с ярмарки и ломтями черного хлеба на столе (опять набор патриархальной символики).

Но эти примирительно-дружелюбные постановки уже были фоном утверждающегося нового кода — Медведев и Путин стали все очевиднее работать на разные аудитории. Президент с «айпадом» работает с продвинутыми пользователями: поэтому заявляет, что закон не может ущемлять организаторов протестных митингов, ругает милицию за бездействие на Манежной площади, произносит запрещенные фамилии оппозиционеров в эфире и признает, что у Немцова и Каспарова есть свой электорат. Путин (без твиттера, блога и даже, по его собственному признанию, без мобильного телефона) со среднестатистической российской массовой: с фанатами встретился, участников митингов предложил «отovarить по башке», несистемную оппозицию заподозрил в том, что если дать им власть — «всю страну распродают».

К концу 2010 г. дело дошло до публичных споров. Этот новый этап «перекодировки» образов можно описывать в категориях не столько ритуала (стилизованное символическое действие), сколько сериала (в основе — художественная идея, часто сквозная). Этот сериал перетекает из привычного формата сиюминутных новостей (принял, встретился, выступил, приехал) в делящуюся новость. Сквозным сюжетом (объезд страны с заботой о народе, природе и конкретном зверье — от китов до барсов)

пронизан документальный сериал с участием Владимира Путина. Менее сюжетно выражен твиттер-сериал Дмитрия Медведева, но тем не менее сетевая активность президента становится отличительной чертой его нового образа.

Над всеми сценариями событий с участием первых лиц (Путина в большей степени) все чаще начинают витать образы и тени литературных классиков («птица-тройка», антилопа гну, персонажи Гоголя, Ильфа и Петрова), а «война образов» лучше всего раскрывается через понятие лотмановского понятия «семиосфера», внутри пространства которой «оказывается возможной реализация коммуникативных процессов и выработка новой информации». В этом пространстве, как известно, очень важно понятие границы («область ускоренных семиотических процессов, которые всегда более активно протекают на периферии культуры»). Нам важна мысль Лотмана о том, что «семиосфера нуждается в «неорганизованном» внешнем окружении и конструирует его себе в случае отсутствия. Культура создает не только свою внутреннюю организацию, но и свой тип внешней дезорганизации. Античность конструирует себе «варваров», а «сознание» — «подсознание»¹. В современной российской политической культуре ни государственные символы, ни праздники, ни экранные ритуалы (в том числе и экранные образы участников тандема) настолько внутренне не организованы в смысле идеологии и идентификации, что нет и дезорганизации внешней. Т.е. она, конечно, есть («русский национализм», к примеру), но она никак не выражена на телеэкране (идеология и эстетика «нашизма» вряд ли всерьез может считаться альтернативой или замещающей).

С претендующими на формирование «дезорганизующей» силы внутри семиосферы (рок-музыканты, журналисты, молодые писатели, блогеры, режиссеры, юмористы «Комедиа-клуб») участники тандема стали активно встречать под «телекамеры» с осени 2010 г. История с «Юрой-музыкантом», когда Путин позволил себе не узнать Шевчука, а Медведев позже, наоборот, подчеркнул, что знает его, вывела в публичное поле традиционный для российской культурной традиции спор о художнике и власти, об интеллигенции и власти. И безусловно, оживила политический процесс.

Частушки, анекдоты, эпиграммы всегда дезавуировали образ режима. Вал самодельных и профессиональных роликов-пародий (от ТНТ

¹ Лотман о семиосфере. См. подробнее: <http://semiotics.ru/sphere/semiosphere.html>

и СТС, например), размещенных в Сети, в основе которых либо официальная картинка тележизни тандема, либо скетчи популярных молодежных шоу, пришлось как раз на зиму-весну 2011 г. Проект (тоже, кстати, сериал) под названием «Поэт и гражданин» (еженедельно артист Ефремов читает злободневные стилизации Дмитрия Быкова под русскую стихотворную классику, видео размещал канал «Дождь», текстовую версию — журнал «Власть») родился весной 2011 г. и точно попал в ожидание нового политического кода — общего недовольства режимом. Пятый выпуск «Поэта и гражданина» на тему перепалки тандема по Ливии и по мотивам стихотворения Евтушенко в телеверсии на «Дожде» не вышел (решение владельца), во «Власти» вышел несколько раз переписанный текст. Самоцензура и согласование как отличительная черта российской медиасферы — предмет для отдельного разговора, но фрагмент текста оригинала дает представление о том, что раздражает в тандеме интеллектуалов и на что могли (но у нас не было возможности это проверить) обидеться члены тандема:

*Поверить в то, что это вождь,
Не согласится даже «Дождь».
Кому-кому, а нам известно,
Хоть пять корон себе надень:
Коль наша тень меняет место,
То мы отбрасываем тень.
И пусть порой он смотрит злобно
И даже пыжится, как царь, —
Тень ляжет так, как мне удобно,
И мы подружисся, как встарь.*

(Эта финальная строчка осталась и после правки.)

Ливийский рубеж. Бомбардировки Ливии весной 2011-го развели тандем. Впервые в публичном пространстве. Премьер назвал решение Совбеза ООН «ущербным» и употребил выражение «крестовый поход» — именно так накануне Каддафи назвал действия союзников. Президент возмутился и заявил: «Ни в коем случае нельзя использовать выражения, которые, по сути, ведут к столкновению цивилизаций... Об этом должны помнить все».

Медведев не просто сменил тон, он всем своим видом подчеркнул серьезность произнесенного. Глава государства стоял под камерами на фоне высоких сосен — такой план раздвигает пространство кадра и визуально дает зрителю ощущение свободы. Одежда цвета хаки, курточка с гербом и надписью «главнокомандующий ВС РФ». Президент спокоен и уверен в себе.

Четко расставляет акценты. По поводу «крестовых походов» — крайняя степень раздражения. Почти угроза.

Что это было? Ожидаемое многими начавшееся противостояние? Но так трактовались по меньшей мере уже три заочных перепалки между Путиным и Медведевым последнего времени: по поводу внесистемной оппозиции, дела Ходорковского и Лебедева, раскрытия теракта в Домодедово. Ливия, конечно, тема знаковая. Она, по сути, про вектор развития и про то, с кем Россия. Тогда никого конфликта нет: партнеры сыграли в «западника» и «охранителя», в «прогрессиста» и «стабилизатора» (по предложенному ИНСОРОм партийному делению). Эти роли ими давно освоены. Но политолог Глеб Павловский говорит, что заявление Путина — это ошибка Путина. И это любопытно. Раньше, выходит, Путин публичных ошибок не делал, а «игра в четыре руки» получалась хорошо. Телевизионная картинка на протяжении этого медиатизированного десятилетия стала косвенным признаком каких-то перемен. В последнее время — а этого не было почти три года — премьер Путин стал появляться вместе с членами своего кабинета на совещаниях у президента Медведева. Сидит, кстати, в отличие от министров, не по-школярски придвинувшись к столу, а откинувшись от него. Ничего не записывает. Сидит, смотрит на того, кто во главе стола, слушает.

После заявления по Ливии впервые за многие годы Путина изъяли из вечернего эфира федеральных каналов. Как будто днем премьер не выступал. Как будто это выступление днем не крутили эти же каналы. В информационном прайм-тайме царил только Медведев. Часть зрителей вряд ли даже поняла, кого именно распекает президент.

Выходит, что Путин не только ошибся, но и понес серьезное наказание — его секвестировали из информационного потока. Но далеко идущие выводы из этой истории делать рано. В конце концов, Ливия такая тема, что, может, сам Путин понял, что перебрал с личным мнением и нехорошо так грубо заступать на территорию Дмитрия Анатольевича. Нежелательный резонанс смиривали нежелательным и привычным способом — просто не показали. Несмотря на то, что господин Медведев совсем недавно упрекал телевизионных начальников в «драматическом разрыве» повестки дня между телеэфиром и Интернетом.

Осенью 2010 г. — зимой 2011-го именно В. Путина (возможно, как более опытного игро-

ка) продолжают пробовать в разных регистрах. Образ Путина начинает дрейфовать от образа «благородного отца» в сторону «героя любовника». Ему предлагают попробовать себя в роли гламурного секс-символа (раздевшиеся в честь премьеры девушки-студентки — война «календарей»; вечеринка «Путин-пати» в клубе «Рай» в том же контексте «хочу Путина»). Путин — как патрон и символ будущих спортивных свершений. Опосредованно на образ Путина работает даже видеолегенда (во время национального голосования на Первом канале показывали мультисторию персонажей, претендующих стать олимпийскими символами), придуманная для любимого зверя Путина — барса, ставшего одним из трех олимпийских талисманов: она использует тему мужественного одиночки, спасающего свой народ от страшной лавины и стилизована под восточную сказку, в которой, кстати, есть мотив об учителе и ученике.

Владимира Путина под Рождество даже попытались вписать в приветствуемое мировой элитой и привычное для мировой светской тусовки мероприятие: премьер спел вместе с мировыми звездами кино и шоу-бизнеса на благотворительном концерте в помощь больным детям. С организаторами и помощью детям случился скандал, и символическое утепление образа Путина — так необходимое для внешнего обращения за пределами России — не случилось.

Все эти плохо увязанные одна с другой публичные акции с неочевидным телевизионным эффектом, свидетельствуют об отсутствии единого сценария информационной кампании не только для верховной пары, но и для каждого отдельно. Некоторые эксперты полагают, что Путина «подставляет» грубая в политических коммуникациях «партия третьего срока», а команды членов тандема уже с трудом договариваются. Все это не исключает, что и эти «мне-

ния» — тоже часть предвыборных спекуляций.

Закончится ли в 2012 г. время властного тандема для одного из нынешних партнеров? На этот вопрос ответ по-прежнему знают только двое. Решения — как и для кого именно — может не быть до самого конца, и так необходимая интрига будет сохраняться. Но весна 2011 г. дает повод предположить, что выдвинуться могут оба, поскольку никакой иной убедительной драматургии — в том числе зрелищной — не просматривается. «Тандем» как экранный образ не укрепил «вертикаль» (слово это, кстати, постепенно стало исчезать из употребления) и, разумеется, разрушил даже магию «имитационных ритуалов», которые пытались выстроить под Путина в его президентство.

У режиссеров грядущих выборов ограниченный набор возможностей и персонажей: нет полноценной идеи, на серьезных «антигероев» нет времени, на серьезных «героев» — ни времени, ни желания. Принципиальная примета новой реальности — появление раздробленной, но уже оформившейся протестной культуры на границах привычной семиосферы.

Парадокс «несогласных», объединивший таких разных Лимонова, Каспарова, Рыжкова, Немцова, Касьянова и сочувствующую интеллигенцию — от Улицкой и Шевчука до Быкова, — лишь подтверждает старое дореволюционное и советское правило. В «мировоззренческое подполье» (ныне оно, конечно, условно — представителей оппозиции не пускают лишь на федеральные каналы) недовольных режимом объединяются люди разных идеологических позиций. Поэтому главное, что, видимо, предстоит сделать сценаристам выборов 2012-го, это вновь сконструировать образ обновляющейся России. «Без вертикали» и с элементами политической конкуренции. Лица вряд ли имеют значения — «образ» подгонят.